

НЕ СОВМЕСТИМЫЕ
Книга первая

Кристина Янг

18+

Кристина Янг

Несовместимые. Книга первая

«Автор»

2024

Янг К.

Несовместимые. Книга первая / К. Янг — «Автор», 2024

Элла Тейлор привыкла жить в счастье и совсем не ожидала, что её настигнет тяжёлая жизнь. В одно ужасное мгновение Элла остается одна и ей придётся выживать в мире криминала, куда её направили семейные тайны и проблемы. Судьба столкнет ее с Эдвардом Дэвисом, с кем каким-то образом связана ее семья и кого Элла первоначально считала своим врагом. В ходе совместных действий, она не заметит, как полюбит мужчину, который забрал ее под свое крыло, но продолжает оставаться загадкой. Куда приведёт Эллу борьба? Какие тайны она раскроет? И сможет ли выстоять против самой судьбы, при этом сохранив свою жизнь?

© Янг К., 2024

© Автор, 2024

Содержание

Пролог	5
Глава 1	9
Глава 2	14
Глава 3	18
Глава 4	22
Глава 5	32
Глава 6	40
Глава 7	51
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Кристина Янг

Несовместимые. Книга первая

Ради семьи даже слабый человек становится сильнейшим и прибегает к любым способам, чтобы сохранить ее.

*Посвящается
моему отцу, который делал все возможное, чтобы его дочь росла счастливой.*

Пролог

Штат Нью-Йорк, США. Кладбище Вудлон.

Мрачное небо с тяжелыми проплывающими тучами, из которых беспрерывно льет дождь вот уже вторые сутки. Такая погода характерна для середины апреля в Нью-Йорке. Деревья, усаженные вокруг кладбища, пугали своим мрачным видом и насылали еще больше тоски в душу. Над чьей-то могилой возвышается застывший каменный ангел. Он сложил руки в молитве и закрыл глаза. Стоит вечность и безмолвно молит высшие силы благословить на райскую жизнь лежащего под землей, которого он оберегает.

Крупные капли дождя барабанят по черным зонтам, которые слились в одно огромное темное пятно перед моими замутненными глазами. В ушах стоит звук тихих всхлипываний. Черные плащи мелькают перед глазами и, кажется, что все люди совершенно одинаковые. А хотя нет, не все. Где-то мелькают темно-синие костюмы. Полицейские. Некоторые стояли в одной колонне с винтовками в руках, словно статуи. Мужчины промокли до нитки, но ужасные погодные условия для них будто ни по чем.

Мой взгляд остановился на отце. Он в таком же костюме, но стоит перед выкопанной могилой с поникшим лицом и закрытыми глазами. Я знаю, о чем он думает. Бедный папа. Ему сейчас еще тяжелее, ведь он винит себя и только себя. Законный защитник правопорядка и народа, но не смог защитить свою любимую жену.

Как и папа, бабушка тоже винила себя в том, что не уберегла свою единственную дочь. Ее увезли на скорой два часа назад после того, как сказала речь. Ей и тогда было плохо, бабушка побледнела и готова была упасть перед гробом своей дочери без чувств, но эта сильная и воинственная женщина держалась до последнего. С одной стороны, я рада, что она не будет присутствовать на самой тяжелой части похорон. Боюсь, слабое сердце бабушки не выдержало бы такого зрелища, когда под землей оставляют ее ребенка, а она даже исправить этого не в силах. Что может быть хуже для матери, чем видеть похороны своего дитя.

Мой взгляд перемещается на массивный, роскошный лакированный гроб, крышка которого накрыта белыми живыми пионами. Да, мамочка, ты всегда любила и жила в роскоши. Приучала к этому и меня, но, кажется, безуспешно. Я не любила все эти походы в салоны красоты, брендовые магазины. А ведь это те самые моменты, когда я была рядом с ней неотрывно. Не ценила. Не дорожила.

Я сжала губы в одну тонкую полоску и закрыла глаза. Одна единственная слеза потекла по моей щеке. Жалкие, маленькие капельки. Я рыдала два дня без остановки и теперь опустошена. Морально и физически. Во мне ничего не осталось и слез в том числе. Лишь горе, скребущее своими когтями сердце, и осознание невосполнимой утраты. Я так слаба и бессильна сейчас, что практически не могу стоять на ватных ногах. Если бы не мой старший брат Деймон, который крепко обнимает меня за плечи и прижимает к себе, я бы давно валялась на черной, вязкой от неугомонного дождя земле.

Молитвы дочитали и настал тот самый момент, которого я так боялась. Сердце сжалось от скорби. Душа задрожала в холоде без материнского тепла. Тело увяло от нехватки прикосновений нежных маминых рук. Когда гроб стали спускать вниз и кидать туда цветы, я осознала все это окончательно. В землю. Какой кошмар! Моя милая мамочка будет находиться под землей! Я ее больше никогда не увижу!

– Нет... – Мой голос охрип, а голосовые связки сели, связались в тугой узел. – Нет, пожалуйста, – продолжала я дрожащими губами. Мне хотелось кричать, потому что меня никто не слышал, а ее гроб продолжали спускать вниз.

Я сделала маленький шаг вперед. Деймон еще сильнее прижал меня к себе.

Началось самое худшее. Люди в черных костюмах с каменными лицами стали осыпать мою маму мокрой и холодной землей. В стороне кто-то начал командовать своим подчиненным готовить оружие. Я продолжала лениво выбираться из сильной хватки брата, будто могла что-то исправить и остановить этот ужасный ритуал. Слезы уже все застлали перед моими глазами, создавая белую пелену. Они навязчиво выбирались из глаз, обжигая холодные щеки и это начинало раздражать.

Я вдохнула холодного воздуха в легкие.

– Нет! – закричала я из последних сил, но мой истошный крик накрыли первые выстрелы в воздух.

– Сестренка, маленькая моя, прошу, не надо, – успокаивал меня Деймон и продолжал прижимать к себе.

Я перестала слышать. Все звуки мира исчезли. От отчаяния и безысходности я зарыдала в его грудь, не в силах продолжать смотреть на то, как мама исчезает навсегда под тяжелой, холодной и безжалостной землей. Я задыхалась от удушающих слез. Кислород будто прекратил поступать в меня, но это уже неважно. Я вцепилась в черный пиджак Деймона и просто рыдала, не в силах совладать эмоциями.

Жалела ли себя? Да, но и пусть. Какая любящая дочь выдержит потерю матери в столь юном возрасте и при этом сохранит хладнокровие?

Мамочка... Моя любимая и единственная мамочка... За что!? Почему жизнь решила нас так наказать? Что мы сделали плохого? Неужели были слишком счастливы? Неужели за это следует наказание? Что за несправедливость!? Моя душа тлела с каждой секундой. С каждым тяжелым вздохом мой огонек жизни ослабевал. Как огонек в фитили, когда его убавляют. Я тускнею...

Больше не в силах держаться на ногах – я обмякла в руках Деймона. Силы, что удерживали меня иссякли. Я будто приберегла их для этого нелегкого момента, а теперь вырвала из себя, когда настало суровое мгновение.

Мой брат взял меня на руки и унес подальше от всего этого толпища, когда нашу маму похоронили под холодной землей, разгладили ее, осыпав зеленым газоном и засунули гранитный камень с надписью «Светлой памяти Лили Мора». Все, что от нее здесь осталось. Как она любила жить. О Боже, как она любила жить...

Мои конечности болтались из стороны в сторону, будто бесполезные части тела. Приоткрытые глаза смотрели на мрачное плачущее небо.

Мамочка... Я уже так скучаю по тебе. Надеюсь, ты в лучшем мире. Ты достойна его.

***

Штат Нью-Йорк. Бруклин. Район Браунсвилл. Ночь 22:45.

Я бежала со всех ног. Хорошо, что люблю кроссовки. Наступала на грязные лужи, оставленные вчерашним проливным дождем. Мне было все равно на то, на кого я сейчас похожа. Ночь давно уже осела на улицы Нью-Йорка, поэтому я ничего дальше носа не видела. Фонари в этом забытом Богом районе включаются довольно редко. Я даже не поняла, как меня занесло

сюда. Совсем недавно я выходила от подруги и ждала брата, а теперь бегу в неизвестном направлении ночью, оказавшись в неблагоприятном месте.

Браунсвилл – это один из самых опасных районов Бруклина. Он находится в восточной части города. Здесь выстрелы из огнестрельного оружия можно услышать в любое время. Кажется, мой инстинкт самосохранения вообще не работает.

Мое дыхание сбивается, тело дрожит то ли от страха быть пойманной, то ли от нехватки кислорода из-за долгого бега. Возможно, все сразу. Перед глазами искрились черные мушки. По ощущениям я вот-вот потеряю сознание, но я не сдавалась. Бежала. Лучше сдохнуть, чем...

– Попалась, шлюшка! – Передо мной возник натугаированный, совершенно лысый громила и перехватил меня, преграждая путь к спасению.

Это конец. Поздно думать о спасении. Ужас обрушился на меня огромной холодной волной.

– Нет! Прощу! – закричала я не своим голосом, а скорее голосом отчаяния, который вырывается прямо из сердца. Несмотря на свое безвыходное положение я продолжала искать спасения, пятясь назад на ватных ногах.

– Какая же ты быстрая. – К нам подошел другой запыхавшийся громила и отдышался.

– Зачем же ты бежала, сладкая? – Меня чуть не стошнило от того, каким голосом он обращался ко мне. Приторно-сладкие нотки в грубом контексте.

– Пустите меня, умоляю! – Рыдания вырвались из груди. Все свое отчаяние и боль я ощущала физически.

– Тебе понравится. Мы постараемся сделать это максимально нежно, – оскалился второй, и они оба начали с нахальными ухмылками прижимать меня к стене.

– Нет! Нет!

Своей огромной вонючей ладонью один из них закрыл мне рот. Грудью прижал меня к стене. Другой рукой скрутил сзади мои руки до хруста костей. Я продолжала истерично мычать в его руку.

Переборков отвращение, я пыталась укусить его, но безуспешно. Сильная хватка мешала мне это сделать. Горячие слезы ручьем лились из глаз. Надежда, которая до этого переполняла меня, быстро развеялась из моего сердца. Спасения нет. Надеюсь, они меня убьют после. С этим клеймом я не смогу жить дальше.

Другой тоже начал свои отвратительные действия и стал снимать мои джинсы. Лапал мое тело. Всю меня брала судорога. Я так кричала в руку, которая упорно продолжает затыкать мой рот, что вены в висках вот-вот лопнут от перенапряжения. Меня охватила не только дрожь, но и всепоглощающая паника. Я боялась думать, что вот таким ужасным окажется мой конец.

– Молчи, сука! Выруби ее немного! – прорычал один из них.

Не успела я вдохнуть, когда мой первый насильник убрал свою руку, как удар об стену головой вытряс мои мозги. Перед глазами множество искр и еще какие-то неизвестные явления. Но я продолжала находиться в сознании. Эти извращенцы хотят, чтобы я все ощутила. Спиной чувствовала холодный и сырой асфальт, на котором лежала в полубессознательном состоянии. Чувствовала их руки, которые жадно исследовали мое тело и грубо раздвигали мои ноги. Пусть они отсохнут! Слышала их довольный и злорадный смех. Треск ткани моей одежды.

Это конец. Это конец моей жизни! Она закончится в семнадцать. Задаюсь тем же вопросом: Что я сделала не так? Где оступилась? Что высшим силам не понравилось?

Меня прокляли. Это очевидно.

Я вздрогнула, когда ощутила что-то странное в своей промежности. Как же отвратительно! Хотелось закричать что есть мочи, молить о помощи, но я не могла.

Мои руки непроизвольно поднялись и стали отталкивать громила, что раздавил меня, и пытался устроить свой мерзкий член во мне. А вот сейчас инстинкт самосохранения начал

срабатывать и без здравого сознания. Удар по лицу. Мои руки, как у тряпичной куклы упали на твердую поверхность асфальта. Грубые голоса, как из-под воды.

- Дай я первый! Не могу уже терпеть, глядя на эту куколку!
- Иди к черту! Она моя.
- Что ты вякнул!? Она наша общая добыча! Кто ее заприметил?
- Заткнись!

Маленькая надежда, что все будет хорошо, затаилась в моей тлеющей душе. Огонек, который намеревался погаснуть, начал полыхать сильнее. Что-то скользкое больше не касалось меня. Кажется, они передрались. Пусть эти монстры переубивают друг друга и этот кошмар закончится. Останутся лишь мрачные воспоминания, которые я тоже смогу закопать.

В слепую, на ощупь, я левой рукой коснулась правого запястья. Часы на месте. Меня должны уже искать, поскольку на звонок я так и не успела ответить, а на улице поздняя ночь. Папа точно волнуется.

Только я об этом подумала, как с визгом неподалеку остановилась машина, освещающая весь темный переулок. Два выстрела, от которых я кое-как открыла глаза. Замутненным зрением я увидела, как тела громил с грохотом свалились на землю. На своем теле я ощутила теплую ткань. Чьи-то сильные руки поднимают меня с холодной земли и прижимают к горячему телу.

- Все хорошо, сестренка. Все будет хорошо. Я отомстил. Отомстил с полна.

И только после слов Деймона я отключилась. Сознание расслабилось от осознания, что теперь я в безопасности.

После этого события Деймона пытались посадить за убийство двух мужчин. Только позже я узнала, совершенно случайно, что мой брат выстрелил прямо в половой орган каждому. Отец смог настоять на своем и убедил, что это самозащита и что он выполнял свой законный долг, после чего Деймона оправдали и сняли все обвинения. Его репутация очищена. Эта новость вывела меня из разбитого состояния. Но вот только психика нарушена.

Глава 1

Август. Кюснахт, Швейцария. Клиника «The Kusnacht Practice»

Я покидала стены центра, которые стали мне уже родными за целый год.

Мой разум в ту самую ночь дал сбой, и моя шаткая психика окончательно разрушилась под гнетом ночных кошмаров, которые долгое время преследовали меня. Я просыпалась посреди ночи в холодном поту от собственного крика, когда вновь слышала тот страшный смех, что заселял ужас в сердце и страшные воспоминания в голове. Среди ночи я шла в ванную комнату и становилась под душем, чтобы снова смыть с себя грязные руки, сильно потирая кожу, оставляя красные следы.

Я никому о своих кошмарах не говорила. Не хотела раздувать из мухи слона. Думала, что это обычные остаточные реакции ужасной ситуации, в которой может оказаться каждая девушка. Что скоро все пройдет. Но я недооценила свое психическое здоровье, которое вышло из строя. Я долгое время не могла забыть страшную ситуацию, которую так боятся все девушки мира. Меня пытались изнасиловать. Ужасное слово, которое я намереваюсь забыть. Я поняла, что мне нужна помощь специалистов, потому что сама не справлюсь с этими мучительными, уничтожающими мою жизнь воспоминаниями. Врачи центра, который я выбрала сама же, приложили к этому максимум усилий, поэтому я покидаю его с яркой улыбкой, которой у меня не было очень долго.

Выйдя в роскошный и ухоженный сад огромного уютного центра, лучи солнца приятно залегли на мое лицо, одаривая теплом. Я попрощалась со своими лечащими врачами, с которыми сдружилась здесь за этот год и доверилась им. Знакомыми не обзавелась, поскольку клиника создает все условия, чтобы пациенты не контактировали между собой. Строгая конфиденциальность – это необходимый элемент лечения, способствующий эмоциональному равновесию. Доктора сами могут стать тебе друзьями, если им довериться.

Выходя из этого здания, я поймала себя на мысли, что буду скучать по своим доброжелательным докторам. И хоть мы обменялись контактами на крайний случай, все же ощущения того, что сегодня были последние минуты нашего теплого общения, не покидали меня.

Я никогда не пожалела, что потратила сюда год своей жизни. Он ушел не в пустоту. Я услышала много страшных историй, обладатели которых сдались так же, как и я, под гнетом мучающих сознание страшных воспоминаний. Здесь я полностью поняла, что жизнь – это вовсе не сахар и через розовые очки на нее не стоит смотреть. Делаем лишь хуже себе. Существует другая сторона жизни, на которую не стоит закрывать глаза, ведь даже тебя она может настигнуть в любую минуту твоей беззаботной жизни. Как и меня. Когда совсем не ждешь. Лучше всегда быть готовыми к этой страшной минуте.

Я последний раз вдохнула в себя аромат садовых цветов, швейцарский воздух, а затем выдохнула, выпуская из себя последние тяжелые года своего прошлого, которые продолжала носить на своих плечах до сегодняшнего дня. Специалисты сделали так, чтобы я вышла из клиники обновленной, готовой перевернуть разрисованную страницу своей жизни до дыр на чистую, белоснежную. Затем, когда я почувствую, что больше не останется места и на этой странице, перевернуть еще одну страницу своей жизни. И так далее. С меня взяли обещание, что я больше не стану останавливаться на своем прошлом, а двигаться дальше, оставляя все позади, беря с собой лишь полученный опыт.

– Ну вот, твои вещи, милая. – Позади я услышала хриловатый голос охранника Бобби.

Его голос всегда поселял тепло в сердце, а мудрые истории из собственного опыта, которые он рассказывал мне ночью за чашкой чая, когда мне не спалось, остались навсегда в моем подсознании. И пусть ему шестьдесят лет и его волосы уже седоваты, он все равно смог стать

моим лучшим другом. Еще одно правило, которое я усвоила в этих стенах: последнее, на что мы должны смотреть, когда знакомимся с человеком – это возраст.

Как говорил Марк Твен: «Возраст – это то, что существует в наших мыслях. Если вы о нем не думаете – его нет.»

– Спасибо, Бобби. – Я тепло улыбнулась ему и взяла свою сумку с вещами из его шершавых рук.

– Никого еще с таким тяжелым сердцем не провожал из этих стен домой, – с грустью проговорил Бобби и тяжело выдохнул.

– Мне тоже Вас будет не хватать. – Я печально улыбнулась и робко обняла его.

– Ты же береги себя, милая, – напомнил он мне, и я кивнула, вытирая слезу со щеки.

За все мое пребывание в этой клинике я медленно раскрывалась окружающим мне людям, в том числе и Бобби. Заметила, что доверять, как прежде, всем людям я уже не умею и никогда не смогу. Сначала я анализирую, вычитываю этого человека. Затем срабатывает интуиция. Она уже дает итоговый вердикт: доверять или держаться подальше от этого человека. Звучит странно, но тем не менее это так.

Мне самой пришлось привыкать к своим новым ощущениям, эмоциям и чувствам, которые внезапно проснулись во мне. Я не отталкивала их как инородные, а наоборот старательно принимала и даже хотела взять больше. Я стала другой. И меняться я начала со дня смерти мамы.

Здесь, в этих белых стенах клиники, желание помогать людям во мне усилилось в сто крат. Именно морально. В центре я закончила школу дистанционно, а заявление в университет на факультет психологии я подала еще в середине учебного года. Таким образом, я выхожу отсюда не восемнадцатилетней. Этот возраст, возможно, видно лишь внешне. Внутри же я мудрая женщина с богатым жизненным опытом и багажом знаний, связанные с реальными жизненными ситуациями.

Мы еще раз обнялись с Бобби на прощание и я, помахав ему рукой, вышла за ворота здания, в котором оставила год своей жизни. Теперь эти стены будут наполнены всеми произошедшими событиями за это время, а я скомкаю их и засуну в свободный ящик в головном отделе своих воспоминаний, двигаясь дальше. Буду использовать их тогда, когда потребуется в моем настоящем. Меня научили сохранять порядок в своей голове точно так же, как сохранять порядок в своей комнате.

Развернувшись, я увидела выходящего из машины Деймона. С широкой улыбкой он направлялся ко мне. С такой же лучезарной улыбкой я встречала его. Он понял, насколько обновленной я вышла из этого центра, поскольку его глаза заблестели от счастья, а легкая походка говорила о его спокойствии. Я оставила сумку и побежала к нему навстречу. По нему я очень сильно скучала.

Мой брат – эталон мужественности. Он тот самый мужчина из немногих, кто чист помыслами и желаниями, верен своим действиям и несет за них ответственность, поступает обдуманно, взвешивая все за и против, имеет складный логический ум, красивое лицо и вообще он самый идеальный на всем земном шаре.

– Как же я скучал по тебе, малышка! – воскликнул он, когда поднял в воздух, словно пушинку и закружил.

– И я соскучилась! – смеясь ответила я, сильнее прижимаясь к нему.

Когда он поставил меня на ноги, я слегка отстранилась от него и осмотрела с ног до головы.

– Ух ты! – Я присвистнула, – Ты еще сильнее возмужал! – восхищенно произнесла я. – Сколько девушек, наверно, бегают за тобой, а? – Я подмигнула ему, хитро улыбаясь.

– Бегают, признаю, – гордо объявил он, расправляя плечи. – Но не нашлась еще та самая.

– Да, поэтому ты пока просто спишь с девушками, разбивая их хрупкие сердца. Они у тебя же на одну ночь.

– Мне двадцать пять лет, женщина. О мужской физиологии не слышала?

– Есть еще и женская, представляешь? – подколола я его. – Это не возраст во всем имеет значение. Просто у твоего организма высокие сексуальные потребности. Но ты не расстраивайся, у всех есть свои недостатки. – Я уже упоминала, как скучала по нему, но больше скучала вот по таким разговорам с ним, когда мы могли смело подшучивать друг над другом.

Он сузил глаза в хитром прищуре и так уставился на меня, будто о чем-то подозревал.

– А-а-а, – протянул он, скрещивая руки на груди, – ты у меня стала важной птицей. Расширила кругозор? Чем ты тут занималась?

– Значит, слушай. – Я выставила руку и стала загибать пальцы. – Саморазвитием, самопознанием, самоорганизацией личности, самосовершенствованием и... – я скривила губы и посмотрела в сторону, – А! Самореализацией.

– Матерь Божья, только посмотрите на эту малютку.

– Малютке уже восемнадцать, и она готовится поступить в университет, чтобы дальше саморазвиваться, самосовершенствоваться...

– Само- и бесконечный знак. Я понял. – перебил он меня, и я усмехнулась. – На это теперь уйдет вся твоя жизнь? – уже серьезно спросил он меня.

– Не знаю. Как получится, – пожала я плечами.

Деймон выдохнул и притянул меня к себе за плечи, крепко прижимая к своему крепкому телу.

– Что бы ты не решила, я буду рядом. Всегда. – успокоил он меня, затем отцепил объятия, и я кивнула ему.

Деймон протянул мне новые часы, как я полагаю, с прежней слезкой внутри них. Я улыбнулась и приняла его подарок, сразу же нацепив на запястье, давая этим часам статус «Спасители моей жизни». Если бы не подобные часы в ту злосчастную ночь, то даже представить не могу, как бы все закончилось. Смерть я себе точно гарантировала. Лежала бы, наверное, рядом с мамой, а папа с братом и бабушкой получили новый удар в сердце от потери.

– Ну что? Поехали домой?

– Поехали! – радостно сообщила я.

Деймон забрал мою сумку и зашагал к машине, которую он, видимо, взял напрокат, пока находится здесь. Я последний раз бросила взгляд на здание, в котором опытные специалисты привнесли много нового в мою жизнь. Я обещаю правильно использовать опыт, который они мне подарили, на протяжении всей своей жизни и совершенствовать его.

– Ты все еще в CIRG? – спросила я Деймона, когда мы ехали в аэропорт.

– Да, а где мне еще быть? – улыбнулся он, но не взглянул на меня, пристально следя за дорогой. Он знает, как я не люблю, когда отвлекаются от нее за рулем.

– Не знаю. Думала, переведешься на уровень побезопаснее, – грустно ответила я, теребя пуговицу на рубашке.

– В ФБР нет безопасных уровней, душа моя, – усмехнулся он.

– Черт тебя дернул поступить именно в Национальную академию ФБР, – буркнула я.

– Это мое призвание. Так заложено мне судьбой. И если тебя это успокоит, я очень осторожен на своей работе.

– Да конечно, – фыркнула я, – все вы так говорите. Откуда нам знать, что там у вас в действительности происходит.

Деймон выдохнул, но ничего не сказал. На правду он никогда не может найти лживого аргумента.

Мой брат, можно сказать, пошел по стопам отца, но только чуть выше. Он отучился в Академии ФБР и теперь занимает место сотрудника специального подразделения реагиру-

ния на критические ситуации. Я признаю, что он создан для этой работы, потому что ничего другого ему не подходит. Но что я могу поделать со своим волнением? Преступность в городе все сильнее повышается, доходит до критической точки, а значит и опасность тоже. Особенно, по новостям брата и отца, которые они приносили с собой с работы, ну допустимую, не тайную – возросли бандитские группировки. Это меня ужасает. Мафия была популярна еще в прошлом веке, но они решили вернуться и отнять покой у граждан. Хотя, они вряд ли вообще их замечают. Как я уже говорила, люди любят закрывать глаза на другие стороны жизни. Они мало что замечают вокруг.

– У вас имеются специалисты по оценке психического здоровья? – внезапно спросила я.

– Зачем тебе эта информация? – недоумевал Деймон.

– Ну, я подумала, может смогу посмотреть и получить стажировку, – мямлила я.

– Нет! – отрезал брат и я резко повернула голову в его сторону. Его лицо опалила красная злость. – Зачем тебе это сейчас?

– Ты же знаешь, что я хочу помогать людям, – виновато произнесла я.

– Там, где работаю я нет людей. Есть лишь преступники, которым уже не помочь, – твердым голосом высказался он. – Вообще не понимаю, почему ты изменила приоритеты. Еще с детства ты хотела быть актрисой, как мама.

– Знаю, два года назад я уже расставила свои цели и собиралась поступить в театральный, но... теперь я хочу другого. Я хочу стать психологом с высшей категорией, с собственной практикой и методикой.

Я почувствовала, как Деймон слегка сбавил скорость и задумчиво уставился на дорогу перед собой. Его руки сжимали руль до хруста кожаного переплета, которым он обтянут. Он будто взвешивал все за и против моего решения. Надеюсь, он сейчас не будет убеждать меня рассмотреть свои цели и желания. Тогда я точно наору на него в протестах.

– Ты уверена?

– Я уверена! – решительно ответила я.

– Ну, если ты уверена, то не вижу никаких проблем. Поступишь на психолога. Но о стажировке в ФБР даже не думай. Особенно в наше время.

– Что ты имел в виду под «особенно в наше время?» – с любопытством спросила я.

Деймон тяжело выдохнул, затем усмехнулся, слегка качнув головой.

– И все ты замечаешь. Какая внимательная девочка.

– Какая есть. – Я выжидающе уставилась на него.

– Буквально три дня назад мы среагировали на ситуацию в районе Южный Квинс. Там была ужасная стрельба. Вывезли двадцать пять трупов с пулевыми ранениями в самых различных местах тела. Видимо, каких-то два клана не сошлись характерами.

– Южный Квинс? Совсем не далеко от центра. Они никогда не открывали огонь в самом городе, – взволнованно трепетала я.

– Кто их поймет.

– Этих людей не поймать?

– Не то что не поймать. На них даже выйти сложно. А если и выходили -на них ничего нет. Они красиво заматают следы. Но на этот раз решили не заморачиваться и оставили эту работу нам.

– Не понимаю смысла их деятельности, – я пожала плечами. – Убивать. И что от этого получаешь?

– Элла, у них другое мировоззрение. Совершенно иная жизнь. Считаю, что от убийств они получают адреналин, а если пуля влетает во врага, то вообще праздник. Они не только убивают, но и зарабатывают крупные суммы денег, перевозят оружие или... – Он осекся, не желая продолжать.

– ...или наркоту, – продолжила я за него.

– Да, именно. Некоторые даже занимаются бизнесом, а некоторые занимают высокий пост в государственном строе.

– Это ужасно. Они везде. – Я сняла кроссовки и подняла ноги на сидение, прижимая их к груди.

Деймон больше не говорил. Я отвернулась к окну и следила за быстро сменяющимся пейзажем леса, распластавшийся по обеим сторонам на всю длину трассы.

Меня не было в Нью-Йорке год. За такое время там могло многое измениться. Такое ощущение, будто мне придется привыкать к своей жизни заново. Пока я пребывала в клинике, меня окружала тишь да благодать.

Сложности однозначно меня поджидают, но у меня есть лучшая подруга Брук, которая звонила почти каждый день, пока я находилась в Швейцарии. Она то мне и расскажет последние новости и обязательно ко всему подготовит. Тем более ей уже не терпится раскромсать мне мозг новостями с богатым сюжетом. Ну, это по ее словам. Обычно все происходит наоборот. Она просто эмоциональнее меня и принимает любую новость с открытым ртом от удивления. Все для нее будто новое и неизведанное. Я ей даже завидую. Она живет меня. Она видит больше, более в ярких красках и смотрит на все большими глазами.

Надеюсь, я не сильно изменилась и Брук не убежит от меня и моего занудства.

Глава 2

Снова дорога. Теперь уже на машине Деймона, которую он забрал из аэропорта. Я чувствовала себя сонливой, поскольку весь полет проспала в самолете, а теперь не могу в полной мере проснуться. Голова гудела, а кости ломило от долгого сидячего положения, поэтому сейчас лежу на заднем сидении, закинув босые ноги на спинку сидения. Наблюдала за сменяющимся пейзажем своего города через окно, напротив. Небо было ярко голубым, а солнце светило высоко. Благо, с другой стороны. Лучи падают на мой затылок, одаривая меня огромным количеством тепла.

Я вертела своими пятками под такт музыки, которую включил Деймон в своей машине. Cold Sets In – моя любимая песня вот уже третий год подряд. Обычно я не выделяю какие-то песни из своего любимейшего плейлиста, но эта показалась мне особенной. Близкой мне. Там еще есть такие слова: «И едва я чувствую, как искорка разгорается вновь, прежде чем снова угаснуть». Я закрыла глаза и даже не заметила, как стала подпевать своему любимому певцу, который написал этот шедевр от самого сердца.

– Эй, мечтательница?

Я мучительно промычала и закатила глаза. Мой любимый братец снова нарушил мою идиллию, когда я полностью соединилась с песней и чувствовала себя в невесомости, вернув меня в реальность.

– Чего? – буркнула я.

– Сеньора Мария написала, что ждет тебя в нашем доме.

Я улыбнулась.

Та самая Сеньора Мария наша любимая бабушка по линии мамы. Мы с братом прозвали ее так, поскольку она имеет прямые испанские корни. Наша бабушка, можно сказать, испанская аристократка и почитает хорошие манеры, примерное воспитание и, конечно же, все это досталось мне с огромными мучениями. Бабушка так воспитала и свою дочь. Вот и меня не пропустила из поля своего зрения. Такое ощущение, что по ее мнению, все девушки из семьи должны иметь старинные аристократические привычки. Такие, как, например, сидеть за столом прямо как фанера, опускать глаза в обществе мужчин и не вести себя чрезмерно вульгарно. «Скромность – вот что по истине украшает юную деву» – говорит бабуля.

Многие мои подруги всегда замечали за ней строгость. И я не отрицала этого. Мама говорила, что она не всегда была такой. Просто ее дочь впервые послушалась собственную мать и поступила так, как хочет она. И я считаю, что мама сделала верный шаг. Бабушка же так не считает. Она говорила, что если бы не этот злосчастный брак, то ее дочь сейчас бы вышла замуж за обеспеченного испанца и жила в Испании в полной безопасности.

Дело в том, что Мария Мора не была довольна тем, что ее перспективная дочь-красавица вышла за обычного полицейского. На тот момент обычного. Сейчас же папа является начальником штаба. Второй человек после комиссара. После того, как Мария потеряла свою дочь, ее отношения с папой испортились окончательно. Они и так были не лучшими, но это событие насыпало соли на открытые кровоточащие раны.

Я искренне не могу понять бабушку в этом вопросе. Она опирается в этой жизни лишь на реальные факты, но не верит в сверхъестественное. В первую очередь, она не верит в любовь, которую описывают в книжках и о которой мне много говорила мама, описывая это чувство как что-то неземное. Для бабушки это самое глупое явление в жизни людей. Да, я понимаю, почему бабушка так рассуждает. Просто в ее жизни не было этого «глупого явления». Если бы оно было, так бы точно не говорила. В своей жизни я боюсь одного – что буду рассуждать как бабушка. Я уже на пути к такой жизни и мне хочется свернуть. Но не получается...

Я завидую истории мамы и папы. Но в хорошем и светлом смысле, конечно же. Когда мне было одиннадцать, мама любезно открыла мне этот маленький замочек от своих воспоминаний.

Лили – моя мама, была актрисой и играла в театральных спектаклях. Она была такой талантливой, что в двадцать три ее уже пригласили в Бродвейский театр – в один из самых вместительных театров Бродвея. Конечно же, гордости Марии не было предела. Она готова была взорваться от счастья.

Как-то на большой театральной постановке «Юг Тихого океана» театр посетили американские власти вместе с важной гостьей, – королевой Англии Елизаветой. Конечно, это ответственный момент и практически весь город просто перекрыт. Всюду патрулируют правоохранительные органы всех слоев. Отцу выпала честь присутствовать в театре и защищать жизнь королевы ценой собственной. Тогда-то он и увидел маму с высокого балкона. На сцене, вся изысканная и роскошная, он влюбился в нее с первого взгляда и уже забыл о своей важной и ответственной миссии. В голове представления, как он сейчас в порыве поднимется на сцену и страстно ее поцелует, но никак не план действий, что он будет делать в случае опасности или нападения.

После этого он полюбил театр, но ходил исключительно только на ее премьеры. Каждый раз дарил цветы и целовал руку. Мама сдалась. Ну конечно. Его томный и созывающий полюбить взгляд свел ее с ума. Они долгое время встречались. Отец красиво ухаживал за ней. Поженились несмотря на протесты гневной бабушки. Все же она настаивала на одном: мама оставила свою фамилию, ну а мы получили фамилию отца – Тейлор.

Красивая история любви, которая должна была жить вечно и оставить след. Но так, видимо, бывает лишь в сказке.

Я считаю, что лучшее, что может произойти с человеком – это найти свою родственную душу. Многие бы сказали: «Как найти свою родственную душу, если у меня нет души?» Самое банальное и глупое, по моему мнению, рассуждение. Душа есть у всех. Просто мы сами ставим для себя эти придуманные барьеры и сами хотим так думать, показывая эти мысли всему миру. Благодаря любви мы расцветаем. Неужели не чувствуете? Как одуванчик, который раскрывается, долгое время остается желтым, а затем превращается в белый шар. Ветер, который дует на этот шар – это сила любви. Эта сила распространяет нашу ауру, которую любовь наделила собой, и позволяет другим насладиться этой любовью, показывая все ее прелести.

Я не живу в сказке. Отныне нет, потому что познала жестокую реальность. И понимаю, что многим не везет, и их безжалостно срывают. Но вы же оставили свое семечко. Позвольте себе прорасти заново. Позвольте помочь тому, кто хочет вам помочь. Мы часто оступаемся, и в порыве отчаяния просто забываем, что это урок жизни.

Мне жаль бабушку, которая не позволила помочь себе тому самому и теперь у нее иное мировоззрение, которым она пытается наделить всех ее окружающих людей. Это не верная позиция, но я не осуждаю ее. Мне просто ее жаль.

После смерти мамы, отец с каждым днем все чаще видел во мне ее. Но я правда похожа на нее. С возрастом становлюсь похожей все сильнее. Такие же большие синие глаза, мягкие черты лица, пухлые губы, маленький вздернутый нос, длинная шея, бледная кожа, карамельные длинные волосы. Одним словом, Лили Мора, рожденная дважды. Даже бабушка невзначай после ее смерти называла меня Лили и даже не замечала этого. Я лишь улыбалась и не смела исправлять или возразить. Я всегда трепетно относилась к своим близким людям и делала все, лишь бы они были счастливы. Их благополучие всегда выше всего.

Почему же после мамы бабушка невзлюбила отца еще больше? Как и отец сам, она винила его в ее смерти. Мне было невыносимо любопытно, почему во всем виноват отец? Я не могла терпеть то, что находилась в стороне и меня не хотели посвящать в темные тайны семьи. Будучи любопытной, я могла сделать все, чтобы узнать правду и при этом быть незамеченной. Не знаю,

с чем это связано. Может, страсть к опасной работе мужчин моей семьи передалась и мне. Мне не хотелось об этом думать и углубляться в эту мистическую ауру, которая окружает меня. Я просто пользовалась этим.

Чтобы убедиться в этих неоспоримых фактах, мне пришлось подслушать запретный для меня разговор. Незадолго после похорон мамы, пришла гневная бабушка и ворвалась в кабинет отца. В этот момент я была на кухне. Ночные прогулки полезно сказались на моем везении. Я возвращалась в свою комнату через гостиную со стаканом воды и слышала приглушенные голоса из кабинета папы. Прислушавшись, я поставила полный стакан воды на тумбочку рядом с вазой со свежими пионами в ней и приблизилась к приоткрытой двери. Разговор был на повышенных тонах, жутко эмоциональный, с грубыми словами, которые бабушка бросала отцу, но и тот не уступал ей в этом.

Первое, что я почувствовала – горечь. Моя семья разваливается, а я даже сделать ничего не могу. Медленно подкрадывается ненависть через незаделанные щели после потрясения и окутывает сердца моих родных. В носу в тот момент неприятно закололо. Приближались соленые слезы.

Из грубого и эмоционального разговора, который был не для детских ушей, я поняла следующее: отец перешел путь криминальным и авторитетным людям, набрав на них огромную папку компромата. Группировка бандитов. Опасная банда гангстеров, или как их все привыкли называть – мафия. Те страшные люди, видимо, быстро узнали о папе, который преследует их и решили заткнуть ему рот. Сначала они подошли по мирному к этой проблеме – выкинуть эту папку в мусорный бак, сжечь и разойтись, будто ничего не было. Папа стоял на своем. Его дух добросовестного полицейского не дали ему права позволить разгуливать тем, кто занимается ужасными вещами. Тогда они решили ему отомстить. И дорога к мести выложилась через маму. А точнее, через ее жизнь. Слепленное желание отчистить город от так называемой нечисти, отец не предвидел такого ужасного исхода.

Папа сдался. Это я поняла, когда видела через окно, как он на улице, в ночное время, в баке что-то жжет. Листы одиноко следовали друг за другом и исчезали в безжалостном огне, который превращал их в черный пепел без шанса на восстановление. Почему он сдался, я сначала не поняла, но когда подросла, до меня дошло осознание, что это клеймо. Если бы папа не остановился, дорога бы продолжилась и под прицел попали мы с Деймоном.

Если папа остановился, это не значит, что клеймо с нашей семьи снято. Это на всю жизнь. Мы под прицелом криминальных людей. Шаг в сторону или против них – расстрел.

Страшно? Ужасно. Но я молчала и продолжаю молчать. Папа, видимо, хочет отгородить нас от этого мира, но даже не подозревает, что вся наша семья уже давно погрязла в этой грязи.

Что бы не сделал папа его винить – это не справедливо. Бабушка перегибает палку. Я никогда не позволяла себе подумать плохо о папе. Каждый совершает ошибки. Никто от этого не застрахован. Бабушка бы ничего не изменила. Ей пора перестать думать о том, что она способна на это своими убеждениями и советами. Но, потеряв единственную дочь, она не может иначе. Сердце, ноющее в боли от невозполнимой утраты, ожесточено. В моей истории жизни каждого участвующего в ней близкого можно оправдать.

– Приехали.

Я открыла глаза, когда услышала голос брата и хлопок дверью машины.

– Ай! – выкрикнула я, когда Деймон открыл заднюю дверь, и моя голова просто выпала вниз.

– Вылезай давай, – выплюнул он и открыл багажник.

– Боже, ты невыносим. Тиран, – недовольно пробурчала я, пока пыталась подняться.

– Как же тебе не стыдно так обращаться с младшей сестрой?

– Знала бы ты, моя Сеньора, на что эта девчонка способна.

– Поэтому ее статус быть младшей. Они, как правило, прозорливее.

– Вы объединились против меня? – с наигранной грустью спросила я, когда вылезла из машины, наступая босыми ногами на зеленую лужайку на нашем дворе.

– Даже если против тебя объединятся тысячи людей, ты устоишь, – передразнил меня Деймон.

– Хм, – я вскинула волосы в воздух, которые тут же подхватил теплый летний ветер, – и горжусь этим.

Деймон закатил глаза и снова спрятался за машиной. Колкость не увенчалась успехом.

– Ну, обними свою бабушку, которая жутко соскучилась по своей внучке.

Бабушка раскрыла свои объятия и я, улыбаясь, пошла к ней навстречу с такими же раскрытыми руками. Через секунду я уже утонула в ее объятиях и почувствовала родной запах. Бабушка всегда пахла различными маслами, вперемешку с пряными травами. Я вдыхала ее аромат и не могла насытиться, будто это в последний раз.

– Я очень соскучилась.

– И я, милая. – Бабушка взяла мое лицо в свои руки и посмотрела на меня своими выразительными голубыми глазами со смесью зеленого.

В глубоких глазах, пронизанные вечной болью потери, я увидела маленький блеск счастья, который прятался за массой тяжелых воспоминаний.

За год вокруг ее глаз образовалось больше морщин. В ее волосах уже больше посидевших прядей, с которыми она, видимо, устала бороться и оставила все как есть. Старость не остановить, и она это поняла. Но мне все же грустно от этих мыслей. Кому не будет грустно смотреть на свою бабушку и осознавать, что рядом она не вечно?

Я скорее отбросила эти мысли. Увидев смерть близкого и родного человека, я стала чаще заглядывать в будущее. И в основном, я видела лишь горе и потери. Вместо того, чтобы показать навязчивую грусть, я улыбнулась, чем развеселила бабушку.

– Моя принцесса, как ты?

– Все хорошо! Я в чудесном состоянии! В легком. Готова открывать свои перспективы и встречать жизнь с широкой улыбкой. Жду лишь положительных результатов.

– Как тебе мозги там промыли. Но, видимо, совсем не кормили. Исхудала. Я как раз к твоему приезду успела напечь пироги.

– Стоп. Ты? Пироги?

Она рассмеялась, показывая маленькую щель между передними зубами и кивнула.

– Все-таки много что изменилось за год, но я не думала, что в таких масштабах.

– Шутница.

Я рассмеялась и еще раз крепко обняла бабушку. Как хорошо оказаться дома.

Глава 3

Деймон занес мои вещи в дом, а затем сразу в мою комнату.

Здесь ничего не изменилось. Те же стены, те же картины пейзажей с позолоченной рамой, которые коллекционировала мама и развесила их в гостиной. Те же цветы, за которыми вместо меня и мамы отныне ухаживает домработница. Тот же домашний запах различных сладостей, который пропитался легкой тоской по хозяйке этого дома. Но мы настолько уже привыкли, что не замечаем этого.

Как пахнет наша тоска? Океаном. Соленым и бесконечным. Там холодно, одиноко и тоскливо. Лишь завораживающая красота волн, которая является отвлекающим маневром от одиночества и грусти.

– А где папа? – спросила я у бабушки, которая уже стелила ажурную скатерть на обеденный деревянный стол овальной формы.

– Этот человек в синем костюме не может даже встретить свою родную дочь, – пробурчала она вместо ответа на мой вопрос.

Я выдохнула и слегка закатила глаза, выжидаяще уставившись на нее. Ненависть бабушки к отцу никогда не стихнет. Все, что он делает, полностью противоположно желаниям бабушки.

Как-то она увидела, как на заднем дворе папа учил держать меня оружие. Пистолет. Конечно, мне тогда было всего четырнадцать, но я безумно этого захотела, когда увидела его стреляющего по мишеням. В это время заявила бабушка и устроила скандал. Я начала винить себя, возложив весь гнев бабушки на свои плечи и просто не сдержала слез. Если бы не мама, бабушка бы не посмотрела на мои слезы и продолжила свои нравоучения до тех пор, пока бы самой не надоело.

Все равно я продолжала в тихую брать в руки холодное оружие. Это мои желания и бабушка не может им противостоять. Меня созывал не только тонкий и изящный мир мамы, но и опасный мир папы и брата. Я поделена на двое.

– Он в своем кабинете. – Наконец ответила мне по существу бабушка и я зашагала в сторону его территории.

Постучав по деревянной лакированной поверхности двери, я услышала низкое «Войдите» и надавила на золотистую острую ручку.

В глаза ударило явное отличие его кабинета от всего дома. Темное и холодное помещение созывает иные эмоции отличающегося от интерьера других комнат. Здесь был ремонт два года назад. Папа не выдержал и напился в своем кабинете. Он тоже не железный и не мог больше трезво терпеть эту боль от потери любимой женщины, пытаясь забыться. Но настолько забылся, что не заметил, как сигарета в его руке прожгла ковер. Мог сгореть весь дом, если бы Деймон не вернулся с ночной практики и не учуял запах дыма, исходящий из его кабинета.

Раньше кабинет был в зеленых цветах. Даже здесь мама хранила свои цветы и как могла создавал уютный уголок для своего мужа. Но вот теперь интерьер кабинета совсем иной. Противоположный прошлому. Этот холодный стиль минимализма полностью олицетворяет душевное состояние папы.

– Здравствуй, пап, – тихо поздоровавшись, я со скрипом закрыла дверь.

Его глаза с заметными морщинами вокруг поднялись. Складки на лбу исчезли, которые доказывали его серьезность перед своей работой. Лицо папы посветлело и на моей душе тоже.

– Дочка...

Папа поднялся из-за стола и направился ко мне, оставив свою работу, полностью забыв о ней. Через пару секунд мы уже стояли в обнимку посреди мрачной комнаты. Но хотя бы теперь здесь не холодно. Благодаря моему появлению, папа заметно расслабился и потеплел.

Я вдыхала в себя его аромат, как и отец мой. Слезы предательски выступили из глаз и я, чтобы он их не заметил, незаметно вытерла их о его грудь. Они впитались в его рабочий костюм.

– Как ты? – Папа взял мое лицо в свои ладони и посмотрел прямо в стеклянные от слез глаза.

– Все хорошо. Я в отличной форме. – Я накрыла его руку, покоящуюся на моей щеке своей и пристально всматривалась в его глаза. – А ты?

– С твоим приездом стало лучше. Прости, что не встретил. Полностью потерялся во времени.

– Все хорошо. Я все понимаю. Но давай ты отвлечёшься от этой огромной кипы, – я глазами указала на папки с бумагами на его столе и снова посмотрела на него, – и выйдешь к ужину.

– Ради тебя я потреплю общество гарпии с испанскими корнями.

– Папа. – Я осуждающе посмотрела на него. Они неисправимы. Даже на том свете найдут друг друга и загрызут.

Он поднял свои руки в знаке капитуляции и улыбнулся. Ну наконец-то, улыбка. Теперь я не могу злиться на него. Она у него просто прекрасна и это единственное, что мне досталось от него. Ну может еще упертый и скверный характер. Так сказала бабушка, когда я разозлила ее в бутике с модной одеждой. «¡Un personaje tan insoportable como el de su padre!» (перевод автора: «Такой же невыносимый характер, как у отца!») – воскликнула тогда она на испанском. Она произнесла это на другом языке, чтобы я не поняла, но бабушка тогда и не подозревала, что в девять лет я начала учить испанский вместе с мамой. Та лишь тогда усмехнулась, когда поняла, что я смогла перевести фразу бабушки.

Мы сидели за столом в полной тишине пару минут. Как обычно нам с Деймоном приходилось разряжать нагнетающую обстановку позитивом и начинали шутить. Папа подтягивался, ну а затем и бабушка начинала ворчать о нашей невоспитанности. Это та самая идиллия. Лишь не хватает улыбающейся мамы, но мысленно мы ее представляем на другом конце стола.

– Элла, зайди в мой кабинет, – мягко потребовал папа и мне пришлось оставить посуду домработнице, отправившись за ним.

Я села напротив него за его столом из осинового дерева, окрашенный в черный и ждала речей. Он облокотился локтями в стол и сцепил пальцы в замок. Около минуты папа молчал и что-то обдумывал, а я не смела ему мешать. По его серьезному лицу я поняла, что разговор будет не из простых. Неужели папа впервые хочет поговорить со мной серьезно? Как с взрослой дочерью?

– Элла, – начал он хрипло и тут же прочистил горло, – я не хочу, чтобы с тобой что-то случилось.

Отличное начало разговора. Мои ноги уже напряглись, а плечи поникли. Сердце бешено застучало в груди, говоря о своем волнении. Я нервно сжимала край своей рубашки в руках. Теперь не хочу серьезных разговоров. Хочу, как прежде – общаться с ним на непринужденные темы. От этого начинающего разговора, а точнее даже монолога, потому что я скорее всего ничего не смогу ответить, веет страхом.

– Но твое любопытство и рвение исправить худшее положение дел часто на шаг впереди тебя самой. Ты не контролируешь их и можешь пострадать.

Папа выдохнул и посмотрел на меня вопросительным взглядом, будто пытался понять, понимаю ли я смысл его слов. Но я ничего не понимала, поэтому он продолжил:

– Ты подслушала мой разговор с твоей бабушкой после похорон мамы.

Его прямолинейность вызвала мурашки, бегущие по позвоночнику, распространившиеся по всему телу. Я закусила нижнюю губу, но глаз опускать не смела. Папа всегда учил смело смотреть в глаза своему страху. В глаза любого человека, который вселяет страх или пытается раздавить.

– Тебе есть что сказать в свое оправдание? – давил отец.

Я отрицательно покачала головой. Оправданий не было совсем. Даже малейших.

– Как ты узнал? – тихо, хриплым голосом спросила я, крепче сжимая ткань рубашки. Тело покрылось испариной.

Я действительно не понимала, ведь меня никто не заметил. Это я точно знаю. У нас же в доме нет камер видеонаблюдения?

– Ты оставила стакан воды на тумбочке рядом с моим кабинетом. Маленькие пальцы отпечатались на стекле.

Я раскрыла рот. Да, я вспомнила этот проклятый стакан. От услышанного я даже перехотела пить и просто быстро поднялась в свою спальню рыдать.

– Твоя неосторожность раскрыла тебя моментально. Запомни: если хочешь за кем-то шпионить, то в первую очередь, не оставляй следов за собой. Иначе, как ты поняла, тебя быстро вычислят. Будь осторожнее и внимательнее. Во вторую очередь, будь аккуратна со своими действиями. Я слышал скрип полов, когда ты удалялась в свою спальню. Ты должна быть незамеченной и не оставлять за собой подозрений.

Я внимательно слушала отца, но в то же время с подозрением смотрела на него. Зачем ему говорить мне это?

– Не смотри так на меня. – Он расслабил плечи и откинулся на спинку своего кресла. – Я просто выделил твои жесткие ошибки. В Академии полиции ты бы провалила экзамен.

– Кхм... спасибо, пап.

Я отвернула лицо и тихо выругалась.

– Не выражайся при своем отце! Имей совесть.

– Боже... Как же сложно иметь отца полицейского, да еще и брата, работающего в ФБР. – Я откинулась на спинку своего кресла, закидывая ногу на ногу и скрестила руки на груди.

– Если не будешь совать любопытный нос куда не надо и, если будешь соблюдать правила, то такая перспектива покажется раем.

– Ну-ну. Правда, я так не умею жить. Если мы семья, то не должны скрывать друг от друга ничего абсолютно.

– Даже в семье у каждого есть свои секреты, о которых остальным домочадцам знать необязательно.

– Дай угадаю. Чтобы обезопасить их.

– Именно, – кивнул он и я цокнула языком, закатывая глаза.

Глупые доводы. В семье не должно быть такого. Каждый друг за друга горой. Пока будешь делать все ради безопасности родных, не увидишь, как прилетает нож в спину со стороны. Но кто меня послушает.

Я осталась одна среди этих мужчин. Бабушка часто в своей квартире, которая находится в самом Нью-Йорке, когда мы живем в частном доме в Стивен Спилберг. Городок, находящийся на удалении в двадцати километрах от Манхэттена. А так же она часто улетает в Испанию. Там у нее роскошный дом, который уже хочет переписать на меня.

Конечно, я ее понимаю. Ей ненавистен отец и она убегает от него как можно дальше. А внуков можно увидеть и раз в месяц.

Еще три недели до учебы. И тогда мне не придется сидеть взаперти под контролем этих беспощадных людей.

– Надеюсь, ты меня услышала, Элла? – Отец пристально смотрел на меня, будто пытался уловить мою ложь, если она будет.

Я включила свою хитрость. Широко улыбнулась и кивнула.

– Конечно, пап. Прости, ты прав. Мне не стоит лезть в твои дела.

Отец еще пару секунд молча смотрел на меня, затем улыбнулся и кивнул.

– Хорошо. Иди к себе. Приятных снов.

– И тебе. Не засиживайся.

Я встала с кресла, поцеловала папу в щеку и удалилась из его кабинета с победной улыбкой. Не родился еще тот, кто способен разглядеть ложь из-под моей чарующей улыбки.

Я не смогу сидеть просто так. Мне всегда надо что-то знать, и я узнаю. Это будто болезнь. Наркотическая зависимость. Я получаю от этого удовольствие. Я узнаю и держу в себе. Не знаю, с чем это связано. Может с ярким желанием быть членом семьи и знать ровно столько же, сколько и все. Меня всегда обделяли. Эта забота и моя безопасность просто давят на горло и мешают дышать.

Сегодня папе я благодарна за небольшой урок. Может моя неосторожность связана с моим пятнадцатилетним возрастом.

После этого я больше не играла в свои шпионские игры, поскольку не было на это времени. Неприятные события резко захлестнули с головой в пучину хаоса. Возможно, еще представится шанс, и я смогу узнать что-то еще из уст своих домочадцев. Узнать то, что не должна знать. Я не хочу, чтобы их секреты отделили нас друг от друга.

Я переоделась в свою пижаму и легла на свою мягкую кровать, накрывшись одеялом до самого подбородка. Луна освещала мою комнату, которую убирали, по всей видимости, каждый день. Я чувствую запах свежей лаванды. Им я всегда опрыскивала свою комнату перед сном, чтобы на утро не донимали головные боли.

Завтра мне нужно будет разложить свои вещи и встретится с Брук. Меня ожидает тяжелый день и мозговой штурм.

Глава 4

Яркие солнечные лучи просачивались даже сквозь плотные шторы изумрудного цвета, благодаря чему вся комната наполнилась этим оттенком.

Я сладко потянулась на своей мягкой кровати. Открыв глаза, поняла, что нахожусь дома, в своей любимой спальне, в которой прожила всю свою пройденную жизнь. Я поймала себя на мысли: как приятно просыпаться в своем родном гнезде. Уютно и тепло. Ничто не может заменить этого чувства.

Я посмотрела на электронные часы на прикроватной тумбочке. Они показывали восемь пятнадцать. Если бы я проспала до девяти утра, то Деймон уже давно бы начал барабанить в мою дверь. Он всегда так делал, когда уходил позже на работу, чтобы я не спала слишком много. Для него долго спать – вредно. Человек должен соблюдать свой режим, но у Деймона слишком жёсткий режим для женского молодого организма. Но все же, видимо, его дрессировка моего организма помогла, и я теперь сама в состоянии проснуться в назначенное время.

Я быстро заправила постель и умылась. Оценив погоду, когда я дернула шторы, передела свою домашнюю пижаму, заменив ее на легкое белое платье до середины бедер, с вырезом на спине. Длинные волнистые волосы собрала в высокий хвост и закинула их на свое плечо. Довольно улыбнувшись своему отражению в зеркале, я покинула свою спальню и спустилась вниз.

На большом обеденном столе стояла огромная ваза с пышными пионами, сорванные совсем недавно из нашего сада. Я улыбнулась, увидев их. Эти цветы никогда не покидают стены нашего дома. Это любимые цветы моей мамы. Именно она и высадила весь сад ими. Запах стоял круглосуточно не только в саду, но и дома.

Я осмотрелась в гостиной – никого. Вокруг гробовая тишина и лишь монотонное тиканье настенных часов позволяют не думать о том, что мир погрузился в вечное безмолвие. Неужели все уже убежали по своим делам? Ну, разумеется. В нашем доме проснуться в одиночестве – это в порядке вещей. Мои мужчины могут покинуть дом и в шесть утра и пропасть на целый день.

Мы с мамой часто оставались дома одни. Бабушка пользовалась моментами, когда папы подолгу не было дома и приезжала к нам, покидая свой пентхаус. Да, раньше вокруг меня оставались люди, когда папа с братом покидали дом, а теперь я буду завтракать одна. К такому было сложно привыкнуть.

Я вышла на крыльцо и вдохнула в себя утренний легкий воздух. В середине августа он особенный. Теплый, пропитанный многочисленными ароматами. Эти ароматы говорили о приближении осени, как и рано пожелтевшие пару листиков, плавно падающих с деревьев. Скоро земля вовсе покроется золотым ковром. Поистине, волшебство спускается на землю в середине октября, когда собственно и начинается это чудесное явление.

– Доброе утро, мисс Тейлор.

Позади меня послышался нежный женский голос, и я обернулась. Передо мной возникла наша домработница в специальном костюме – темно-синее платье с белым фартучком спереди.

– Алиса, называй меня просто Элла. Сколько раз я тебе говорила, – тепло улыбнувшись попросила я.

– Не могу до сих пор привыкнуть к тому, что попала к таким добросердечным американцам, поэтому не могу так резко принимать Ваши необычные просьбы.

– Ты попадала к плохим людям? – с горечью спросила я.

– К плохим – это мягко сказано.

Алиса очень симпатичная девушка тридцати лет. Плотненькая, но это лишь прибавляет ей шарма. Ее щеки всегда покрыты румянцем, а редкие зеленые глаза горят добрым све-

том. Мне всегда хотелось поболтать с ней по душам, но как-то не получалось. Может, сейчас удастся. К тому же мне больше нечем заняться.

– Кстати, звонила Ваша подруга. Просила передать, чтобы Вы никуда не уходили, потому что в девять она будет здесь.

Что ж, разговор с Алисой снова отменяется. Я посмотрела на свои наручные часы. Через пятнадцать минут будет девять, а зная свою пунктуальную подругу, она заявится совсем скоро.

– Вам накрыть стол на двоих?

– Нет. Занимайся своими важными делами. Я сама справлюсь.

Я погладила Алису по предплечью, оставляя ее на крыльце с ведром и моющими средствами в нем. Сама направилась на кухню, чтобы приготовиться к приезду своей подруги.

Через голову я надела фартук и завязала его слабо за спиной. Откинула хвост на голове назад и принялась мыть фрукты. Нарезала зеленых яблок, разделила дольки мандарина и положила виноград. Из холодильника достала молоко и мороженое. Из этих приготовлений я сделала коктейль, куда добавила бананы и немного вишневого сиропа, взбив все в блендере. И вот, наши любимые закуски за разговорами были готовы. Я положила все на поднос и вынесла в гостиную на журнальный столик.

Входная дверь отворилась и вскоре я услышала визг своей лучшей подруги. После она повалила меня на диван и стала обнимать до покраснения лица, отбирая тем самым мой воздух.

– Я чертовски сильно скучала, Элла! – захныкала Брук в мое плечо.

– Будешь и дальше скучать, если не освободишь меня от удушающих объятий. Я рискую задохнуться! – сдавленно проговорила я и моя подруга поспешно меня отпустила.

– Что это? Слезы на глазах у самой Брук Эванс? Феномен!

– Ничего подобного! – буркнула она тоненьким голосом и отвернула от меня лицо, вытирая ладонью щеку. – Соринка попала.

– На мне банальные отговорки не срабатывают, – съязвила я, устраиваясь на диване в удобной позе.

– Ты такая вредная, Элла!

– Ну ладно. Я просто соскучилась по тебе так же сильно, как и ты по мне. До слез.

В меня прилетела маленькая подушка и я рассмеялась. Волосы слегка взъерошились, и я приладила их ладонью.

– Рассказывай. Как ты? – начала Брук, глотнув безалкогольного коктейля из бокала.

– Мне нечего рассказывать. Я целый год была в центре в незнакомом городе и ничего не видела, не слышала.

– Я о твоём состоянии, – уточнила она, внимательно сверля меня взглядом.

Я немного поежилась и обняла себя за плечи, будто защищалась от холода, правда в комнате было тепло.

Когда меня спрашивают о моем состоянии, я слегка теряюсь. Из-за этого и чувствую внезапный холод, который прилетает из ниоткуда. Я всегда знала, что сказать. И мой ответ всегда положителен.

Я искренне улыбнулась.

– Мне намного лучше. Прошлое должно оставаться в прошлом. Оно лишь изредка может помочь. Если нам в настоящем уныло, то достаточно вспомнить счастливые моменты прошлого.

– А негативные воспоминания? – выгнув бровь, поинтересовалась Брук.

– Закопать и не вытаскивать. Они останутся уроком.

Моя подруга внимательно осмотрела меня, анализируя мой ответ.

– Тебе действительно лучше, – выставила она свой вердикт и кинула в рот виноград. – Мне нравятся твои рассуждения. Если год назад ты была потеряна и не могла связать свои мысли, то сейчас я вижу отлично проделанную работу психологами.

– Теперь твоя очередь. Что нового произошло за год в школе? Я пропустила выпускной год и училась дистанционно. – Я взяла свой бокал и с наслаждением отпила содержимое.

– Да ничего. Даже обидно. А вот в городе происходят странные вещи.

– Ты про массовые убийства?

Брук с удивлением уставилась на меня.

– Я думала твои мужчины яро защищают тебя не только от опасного внешнего мира, но и от криминальных средств массовой информации.

– Ну, скажем так, я нагло вывела эту информацию у Деймона. Все равно узнала бы, если весь город судачит об этом.

– Это да. Так вот, – быстро оживилась Брук. – Сегодня утром по новостям передавали, что в твоём городке нашли труп криминального авторитета.

– Как? Прямо здесь? В этом тихом и неприметном городке?

– Ага, – подтвердила Брук и громко откусила от яблока огромный кусок.

– Наверно, поэтому все с самого утра убежали из дома. Все из-за какого-то убитого авторитета, который в очередной раз не поделил что-то с другим авторитетом. Неужели им нравится такая жизнь?

Я не устану задавать этот вопрос не близкому окружению, ни самой себе. Я никогда не пойму подобный образ жизни. И если бы я имела честь поговорить с одним из таких ненормальных, то в первую очередь задала бы именно этот гнетущий меня вопрос. Очень хочется послушать их философские мысли, ведь мировоззрение у них слажено не так как у обычных граждан. Радует одно – они стреляются только между собой и не трогают простой люд. Но времена меняются и приоритеты тоже. Все может пойти намного дальше.

– Естественно нравится, дурочка. У них столько денег и влияния, что хватит на три поколения.

– Ты бы ради легко заработанных денег пошла на такое? – внезапно спросила подругу.

– Нет. Мое мышление не для таких дел. Я бы не отказалась от такого папика.

– Боже, Брук.

– А что? Ничего криминального.

Я скорчила лицо. Моя подруга, конечно, не из робкого десятка и секс для нее обычный звук. Точнее, этот звук для нее сулит приятные ощущения. Я не могу поддерживать ее в этом вопросе, поскольку здесь у меня иные рассуждения, которых она слушать не желает. Для нее в порядке вещей спать с теми, кто ей понравился. Для большинства в наше время это в порядке вещей, не только для Брук. Ну, а я как читающая, наивная девочка из восемнадцатого века – отдам свое тело тому, кому буду доверять и любить по-настоящему.

– Элла?

Я услышала низкий голос Деймона из холла.

– Я в гостиной, – выкрикнула я и вскоре он оказался у порога в большую комнату.

– Ты с подругой.

Не вопрос, а наблюдательность. Брук с легкой усмешкой на губах обернулась к нему, а он как-то странно отреагировал на нее. Я это заметила сразу, поскольку такого еще никогда не было. Он растерялся?

– Здравствуй, Деймон, – мягким голосом поздоровалась Брук, закидывая изящным движением свою руку на спинку дивана.

Деймон слегка прочистил горло и сглотнул.

– Привет, Брук. Не буду вам мешать.

Деймон развернулся и зашагал к лестнице. Я одарила подругу скептическим взглядом и вскочила с дивана, побежав за братом.

– Деймон! – окликнула я его. Он остановился, одной рукой держась за перила и обернулся. – Ты хотел сказать что-то важное?

– Нашли труп в нашем городке. Хотел сказать, чтобы ты не выходила сегодня никуда.

– Но, мы с Брук хотели поехать в город. Не думаю, что криминальный авторитет захочет застрелить меня из-за угла.

Деймон опустил вторую руку вдоль туловища и выдохнул.

– Надеюсь, ты помнишь о своем комендантском часе? – Деймон начал расстёгивать свою темно-синюю рубашку. Кажется, ему не терпится принять душ.

– Я должна быть дома в девять вечера.

– Хорошо. К обеду придет Сеньора. И папа.

– Отлично. Присоединюсь к вам на обед, – раздался со стороны гостиной голос, и мы с Деймоном одновременно повернули головы к источнику звука.

У дверей стояла Брук со скрещенными руками на груди, оперившись плечом к косяку. Она мило улыбалась и скользила своим кошачьим взглядом по Деймону. Я вернула свой взгляд на брата, тот уже полностью расстегнул рубашку и можно было увидеть его мужественный пресс.

– Не извращай мою подругу, – тихо зашипела я.

Деймон и сейчас повел себя не так, как всегда. Он чертовски сильно растерян. Его сегодняшнее состояние лучше будет запомнить. Раньше я думала, что он вообще не умеет теряться. Весь такой уверенный в себе, знающий всю ситуацию наизусть с первого взгляда. Так что, это просто редкостное явление, практически невозможное.

Он молча отвернулся и стал подниматься по лестнице вверх. Посмотрев на свою подругу, я заметила, что она все еще провожает его заинтересованным игривым взглядом.

Я скрестила руки на груди и приблизилась к Брук.

– Твой брат чертовски привлекателен. – Она прикусила нижнюю губу.

– Ты это его сестре говоришь. Что это было вообще сейчас? Почему ты так откровенна, а он растерян? Ты же глаза опускала при виде него, считая его взрослым и строгим дядей.

– Это в прошлом, – отмахнулась она. – Сейчас я взрослая и раскрепощенная женщина.

По правде сказать, я бы тоже не дала ей девятнадцать лет, что говорить о незнакомцах, которые дадут ей все двадцать три.

У Брук большие женственные формы, и она высокая. Поведение не для подростка. Видимо, активная половая жизнь делает свое дело. Слишком открытая и раскрепощенная. Карие глаза выдают блеск охотницы.

После годовой разлуки Брук вовсе изменилась. Мы с ней такие разные: я – нежная, белая лилия с легким, не вызывающим ароматом, она – красная роза с шипами, на которые обращаешь внимание лишь после, поскольку вид этого цветка завораживает своей красотой и притягивает к себе. С точки зрения психологии мы тоже разные. Брук агрессивная, высокомерная и любит быть в центре внимания. Я же дружу со своей пассивной агрессией, тихая, закрытая и стараюсь быть незамеченной. Но в то же время мы как инь и янь.

– Поэтому ты активно соблазняешь моего брата.

– Да мы уже трахались. Я поэтому так себя веду.

Она выплюнула эти слова как ни в чем не бывало и вернулась обратно в гостиную, усаживаясь на свое место. Я же приросла к полу и широко раскрыла рот от удивления. Округленные глаза выражали мой шок. Что я только что услышала?

– Ч-что? – запинаясь, переспросила я.

– Боюсь, если я повторю, то ты совсем побелеешь как мел, – усмехнулась она. – Тебе достаточно было услышать один раз. Так что переваривай эту информацию. – Она закинула ногу на ногу и опустошила свой бокал.

– Ты и мой брат? Ты свихнулась!?! – шипя, воскликнула я.

Я быстро смогла отклеиться от пола и помчалась в глубь комнаты. Плюхнулась на диван рядом с ней, сверля ее все еще широкими глазами. Шок не отступал.

– А что? Я недостаточно хороша для твоего очаровательного братика? – с подкрадывающимся высокомерием в голосе спросила она, кидая в рот очередной виноград.

– Да причем... – Я поджала губы. Мысли затерялись в вихре, и я не могу связать ни слова. – Вас же ничто не связывало. Вот так вот просто переспали?

– Ну да. Правда он был немного выпивший, но все помнит досконально. Поэтому он так растерян. Бедняжка, не ожидал, что ему подарить такое удовольствие девятнадцатилетняя девушка. Я подарила ему крышесносный секс, а он даже не поблагодарил. Козел.

– Прекрати рассказывать мне в подробностях о сексе с моим братом! – пискнула я и закрыла лицо ладонями. – Я даже представить себе не могу, когда это произошло и где, – пробурчала я в свои руки.

– Два месяца назад, в его спальне. Я пришла забрать твои книги, чтобы сдать в библиотеку, а там уже само закрутилось, – поставила меня в известность Брук, будто я молила ее это сделать.

– Я не просила же! Боже.

– Тебя почему это смущает? Разница в возрасте?

– Возраст вообще не причем. Просто вы два идиота, которые грязно относятся к сексу и пользуются телом, словно это предмет для наслаждений! Обычное мясо. Я хочу лучшего и для тебя, и для него.

– Лучшего, это как у тебя? Внедрить монашечьи устои? У меня голова начинает болеть, когда ты вслух мне их проговариваешь, Элла. Я просто живу в кайф, а ты ставишь для себя барьеры. И кто же на самом деле лучше из нас живет?

Я ничего не ответила. Мы говорим на разных языках и зря я вообще начала возникать. У нее свой мир, а у меня свой. И никто не вправе менять жизненные устои другого человека. Она поймет мои слова лишь тогда, когда полюбит по-настоящему.

Брук вскоре поменялась в лице. Ее пробило потрясение с сожалением.

– Прости, Элла. Я не подумала. Ты... Я забыла о твоём опыте с мужчинами и вообще... Прости. – Начала она извиняться, заметив мое смятение.

Брук внезапно почувствовала себя виноватой. Она начала упоминать случай с ужасной попыткой изнасилования, хотя этого в моей голове на момент разговора не было. Но если ей так проще понимать меня в этом вопросе, то я ничего исправлять не стану.

– Не бери в голову. Это я виновата. Ну правда, переспали и да ладно. Я постараюсь не вспоминать об этом разговоре, когда вы будете стоять рядом.

Брук рассмеялась и обняла меня.

Следующие два часа мы с Брук провели на кухне, помогая Алисе, приготовить обед к приезду бабушки и папы. Туда один раз заглянул Деймон. Он прихватил свой свежесжатый апельсиновый сок из холодильника. Пока пил его из стакана, Брук впиалась в него своим жадным взглядом. Я видела ее подобный взгляд лишь тогда, когда она смотрела на любимые пончики. Есть их не могла, поскольку сидела на диете. А сейчас она точно так же смотрит на моего брата. Интересно, она еще не забыла где находится? Судя по тому, как она пристально рассматривает его всего и кусает нижнюю губу – нет, не понимает.

Деймон уходил – Брук провожала его взглядом. Она словно зомбированная. Я никогда не замечала за ней такого пристального внимания к мужчине. Даже когда Брук начала встречаться с капитаном школьной команды по бейсболу, она не смотрела на него такими горящими глазами, хотя он тот еще похититель сердец из-за своей красоты и груды мышц.

Я ткнула в нее локтем под ребра, и она быстро оживилась, снова принимаясь за резку овощей. Все же для нее этот «просто секс» превратился в нечто иное и сильное. Именно этого я и боюсь. Именно это я пыталась донести до нее. Случайная связь внезапно может перерасти во что-то большее, но не факт, что это будет взаимно.

Пока мы накрывали на стол, услышали голоса из холла. Я закатила глаза и улыбнулась. Они не могут находиться вместе в одном помещении и не ругаться. Ужасно и неисправимо.

– Здравствуй, милая, – зайдя в столовую тут же обратила на меня внимание бабушка, откидывая свою сумочку на кресло.

– Здравствуй, бабушка.

Мы обнялись и поцеловались в щеку.

– Я рада, что ты приехала.

Она бросила на папу короткий испепеляющий взгляд и снова посмотрела на меня.

– Ради любимой внучки я готова терпеть общество этого человека.

Я цокнула языком и наклонила голову в сторону. Где-то я уже слышала подобное. Хотя бы я буду связующей нитью между этими недобрагами.

Я позвала Деймона и вскоре мы уже все сидели за большим обеденным столом. Я рада, что мы вот так можем собраться всей семьей даже после трагичных моментов, которые словно тень накрыли нашу крепкую семью.

Брук сидела рядом со мной и тихо болтала, чтобы не мешать отцу с Деймоном обсуждать дела по работе, показывая фотографии наших одноклассников в своем мобильнике.

– Кстати говоря, я не просто так пришла, – вдруг раздался голос бабушки, и все замолчали, выжидая ее речей. – Я хочу Элли забрать в Испанию на оставшееся лето, – отчеканила она и моя челюсть отвисла.

– Я не препятствую, – ответил папа и я резко перевела на него свой удивленный взгляд.

Он сидел во главе стола, по правую руку от меня, а напротив бабушка. На другом конце, напротив папы, сидел Деймон и молча оценивал сложившуюся ситуацию.

– Я и не спрашивала тебя, Винсент, – грубо отчеканила бабушка.

– Если бы я был против, Вы бы все равно должны были спросить, поскольку Элла моя дочь и Вы не можете ее забирать куда-то без моего согласия.

– Да? Как-то ты тоже не спрашивал у меня разрешения, когда вел мою дочь под венец.

– Хватит уже, – спокойно перебила я их очередную перепалку, которая имеет тот же характер, как и все предыдущие.

Эти люди вечно что-то делают. Даже несуществующее.

– Бабушка, но мне нужно готовиться к университету.

Я вытасила самую тяжелую артиллерию, что у меня есть в арсенале, чтобы избежать этой поездки. Что мне там делать? Я целый год провела в центре и совсем отвыкла от развлечений. Я надеялась оставшееся лето провести с Брук и другими знакомыми, чтобы должным образом провести оставшееся лето и хорошо оттянуться перед началом нового учебного года уже в университете.

– Подготовишься там же. В Валенсии сейчас так красиво. А особняк находится вдали от шумного города. В твоём распоряжении спокойствие, свежий воздух и красота природы.

Своими неоспоримыми доводами она умело закрыла мне рот.

Я умоляюще посмотрела на Брук. Та быстро помахала руками перед своей грудью в протесте.

– Нет, Элла. Все что угодно, но с твоей бабушкой я не могу спорить. Конечно, я хотела провести со своей подругой оставшееся лето, но...если так... – Она всего лишь пожала плечами и смирилась.

Я поджала губы и впиалась в нее осуждающим взглядом. Могла бы придумать, что начинаем помогать какому-нибудь фонду. В доме престарелых, например. Бестолковая.

– Я привезу ее обратно за неделю до окончания лета, – смягчила мой приговор бабушка и отправила в рот вилку с воткнутым в нее огурцом.

– О, спасибо, Мария.

Я хотела взвзвить, но сделала это мысленно. Посмотрела на Деймона. Безнадежно. Тот вообще быстро отрицательно помотал головой и снова принялся разделявать свое мясо в тарелке. Никакой помощи от этой семьи!

Я посмотрела на папу. Он ответил на мой умоляющий взгляд и накрыл мою руку своей свободной рукой.

– Тебе правда лучше поехать. Отдохнешь.

Тоже безнадежно. Я уже достаточно отдохнула. Достаточно много времени провела наедине с природой и своим внутренним миром.

Я забыла о своей осанке и положила локоть на стол, подперев рукой щеку. Папа точно рад выпроводить меня из Америки, только бы знать, что я в безопасности. Он сидит на иголках и так будет до конца его дней. Он не может сделать резкого движения, поскольку находится под прицелом сильных и независимых людей.

Брук права, у них действительно безграничная власть. Они купили все своими грязными деньгами. Вселили страх в людей, которые вышли на них и приставили им в лоб дуло пистолета. Даже если их не видно рядом, то можно чувствовать холодное присутствие.

Остальные двадцать минут обеда прошли в тишине. Лишь бабушка бросилась несколькими фразами, предназначенные мне.

– Я уже заказала нам билеты на послезавтра. Начинай собирать вещи.

Я проглотила приказ бабушки и мне пришлось смириться с ее решением.

После обеда бабушка решила навестить свою подругу, которая является нашей соседкой. Папа скрылся в своем кабинете, а Деймон переоделся в свою униформу и решил выехать в штаб. Чтобы не дожидаться такси, я попросила его подвести нас с Брук до города.

– Чем займетесь? – спросил Деймон, смотря в зеркало заднего вида, нарушая тишину в салоне, которая сохранялась всю поездку до центра Манхэттена.

Я решила устроиться на заднем сидении вместе с Брук, поскольку не хотела, чтобы та чувствовала дискомфорт.

– Возьмем по соку и прогуляемся по парку, – ответила я.

– И сходим по магазинам, – добавила Брук, не отрываясь от своего мобильного.

Я выдохнула и закатила глаза.

– Для тебя это звучит как приговор, Элла, – усмехнулся мой брат.

– Так было всегда. Вспомни, как я искала предлоги, чтобы не идти вместе с мамой и бабушкой в очередной бутик.

– Ты притворялась, что тебе плохо и ссылалась на головные боли.

– Как жаль, что эта фишка работала несколько недель. Они меня раскусили.

– Ох, Элла, каждая девушка должна ходить по магазинам как можно чаще, – подначивала Брук. – Это у нас в крови.

– Глупые стереотипы, – выдохнула я и отвернулась к окну, когда мы встали в пробку, доехав до самой кипящей точки Манхэттена – Мидтаун, начинающий от тридцать четвертой улицы.

Именно до этого места я попросила Деймона довести нас, поскольку дальше по улицам этого района можно выйти к Центральному парку.

Деймон остановился рядом с нашим Брук любимым заведением «Cafe Lalo». Здесь подают отличный чай со вкусными тортиками. Перед тем как начать прогулку, мы с Брук решили подкрепиться и перекусить что-то из сладкого.

Перед тем, как оставить нас, Деймон предупредил меня, что приедет за мной ровно в восемь и может забрать меня прямо отсюда.

– Не слишком ли высокую гиперопеку они несут за тебя? – глотая чай с малиной, внезапно спросила Брук.

Я рассматривала любимое заведение, в котором не была целый год, дав себе отчет, что здесь ничего не изменилось. Людей здесь всегда не так много, что не могло не радовать. Я наслаждалась покоем, пока вопрос Брук не отвлек меня.

Я выдохнула и ответила:

– Я не смею жаловаться. Сама такая. Знаешь ли, постоянно сую свой нос слишком глубоко. Разнюхиваю семейные тайны, которые меня не касаются. Здесь тоже играет свою роль, как ты называешь, их гиперопека. Они хотят меня сберечь от темных уголков нашего дома, а я тем временем хочу внести туда свой свет. Как-то так получается.

Пока говорила, я смотрела на свою чашку с чаем. Переливала жидкость по стенкам сосуда и любовалась тем, как вода принимает любую форму.

– Тебе даже, наверно, везет. Меня бы угнетало это. Раньше я считала, что близкие так контролируют своих детей из-за недоверия. Потом только, спустя время, поняла, что они просто сильно боятся за нас.

– Повзрослела, – мои губы дрогнули в легкой безобидной улыбке.

– Да, пожалуй, – поддержала она меня и пустила в рот небольшой кусок черничного торта.

Брук любит ягодные торты. Я же предпочитаю лишь карамельный и пломбирный. Последний сейчас с удовольствием уплетаю.

Мы посидели в кафе еще минут двадцать и расплатились, оставив официанту щедрые чаевые.

Пока шли до парка вдоль улиц, как назло проходили мимо магазинов одежды. Брук не упускала практически ни одного помещения, на витрине которого висит платье или стильная юбка. Выбирая что-то себе на примерку, она подбирала и мне какие-то куски ткани. Я знала, что лишь примерю их, поскольку они не подойдут мне по стилю. Но Брук доказывала совершенно противоположное. Рассматривая себя перед зеркалом, она описывала мой внешний вид, пылко убеждая в том, что я должна ходить именно в таких нарядах, а не в мешках, как Брук коротко называет мои вещи. Да, привыкнуть можно к новому внешнему виду, но мне не хотелось применять новшества, поскольку просто не за чем.

Пройдя несколько магазинов, я подобрала для себя лишь новые кроссовки, когда Брук несла два пакета с красным платьем на бретельках и новыми босоножками на не высоком квадратном каблуке.

– Ты только посмотри! – воскликнула Брук, когда мы проходили мимо витрины парфюмерного магазина.

Я подняла голову к вывеске. «Dityque» – самый дорогой парфюмерный магазин города.

– Нет, Брук, – дернула я ее за руку, когда она слегка нагибаясь рассматривала изящные флаконы на витрине. – Мы не зайдем туда. Не имеет смысла.

– Мы просто посмотрим! – словно одержимая воскликнула она.

В следующую секунду Брук дернула меня за руку. Еще через секунду дверь за нами плавно закрылась. В глазах зарябило, когда яркий свет ударил в них. В носу закололо, когда я почувствовала многочисленные ароматы, приятно притягивающие мое обоняние. Я пожалала плечами и это знак тому, что я приняла упертые пожелания Брук. Моя подруга уже всю гуляла по помещению магазина и рассматривала флаконы, нюхая пробники. Я занялась тем же. Не стоять же мне на месте истуканом.

Пока я рассматривала вычищенные до блеска витрины с ярким освещением, на которых аккуратно была выставлена различного рода дорогостоящая парфюмерия, даже не заметила, как врезалась во что-то мощное и большое. Осмотрев свое внезапно возникшее препятствие, я поняла, что это мужчина высокого роста, стоящий в очереди перед кассой. Мое лицо было наравне с его широкими лопатками, отчего я вдруг почувствовала себя маленькой и беззащитной рядом с этим незнакомцем. Он даже не намеревался развернуться. Кажется, он даже не почувствовал, что я врезалась в него.

– Извините, – тонким голосом произнесла я.

Все же это безобидное слово вышло из меня. Моя воспитанность не имеет границ. Лучше бы просто убежала и все. А тут рискнула вступить в контакт с таким мужланом в костюме от «Tom Ford», который как влитой сидит на нем.

Мужчина обернулся в пол оборота и нахмурился, смотря вдаль, словно услышал писк комара.

– Я тут, – еле помахав зачем-то опять заговорила.

Совсем уже растерялась.

Взгляд янтарных глаз опустился на меня. Грозно нахмуренные брови слегка расслабились и жесткие черты лица еле смягчились. Боже, да этот мужчина красив как античный бог. До него я ни на кого не обращала внимания, не удерживала так долго взгляд на мужчине и просто избегала их как огня. Этот мужчина выглядит серьезным, уверенным в себе и просто несокрушимым. От него так и веет опасностью. Как правило, стоит обойти и сбежать, но эти глаза, от которых я не могу оторваться, не позволяли мне этого сделать.

– Ничего страшного, юная леди, – раздался его басистый грудной голос, и он снова отвернулся.

От этого голоса во мне все содрогнулось. Да что это за мужчина такой? Уходи, Элла. Подальше от него уходи.

Я стала искать глазами свою подругу, которая вынюхивала в этом дорогом магазине просто каждый женский парфюм, как вдруг почувствовала на себе те же глаза, которые пленили меня пару секунд назад. Не знаю зачем, но я мельком взглянула на него вновь. Какая-та неведомая сила попросила меня это сделать, честное слово. Незнакомец сосредоточенно осматривал меня, нахмутив брови, так же обернувшись в пол оборота ко мне. Я не знаю, зачем он это делает и не хочу знать. Дыхание начинает прерываться, будто это его глаза управляют им. Паника одолевает меня. Я хочу спастись от пристального взора этих почти золотых глаз, но они будто не позволяют, пока в полной мере не изучат меня.

В это же мгновение я заметила свою подругу и булыжник в груди, который сдавил грудную клетку, спал.

– Брук! – воскликнула я, поднимая руку и сорвалась с места.

Оказавшись рядом со своей одержимой подругой, с блестящими глазами от желания купить здесь подходящий для нее аромат, я отдышалась. Положив ладонь на грудь, я поняла, как сильно бьется мое сердце. В следующую секунду, когда разум прояснился, я почувствовала, как сильные удары оглушают мои уши. Это нахождение рядом с тем знакомцем так повлияло на мое состояние?

– Ты чего? – спросила Брук, мельком взглянув на меня, вынюхивая очередной флакон.

– Давай уйдем отсюда, – взмолилась я.

– Еще немного. На, успокойся, – она всунула мне флакон, который я чуть не уронила на кафед. – Пахнет ванилью, – добавила она, уходя к другой витрине.

Я выдохнула и резко открыла флакон. Протянула его к носу и вдохнула аромат.

Боже... Это невероятно. Запах уносит в легкость и забвение одновременно. Восхитительно. Я будто перенеслась в сказочные мир. Перед глазами мелькнули океан и чистое небо. Я лежу на песке и смотрю на эту голубизну, которая сливается с океаном. Шум прибоя в ушах. Я закрываю глаза и слушаю эту успокаивающую музыку, идущую прямо в сердце.

– Элла! – Я вздрогнула и автоматически поставила флакон на стеклянную полку витрины. – Ты чего?

– Нет. Ничего. Запах понравился, – как ни в чем не бывало ответила я.

– Ладно, пошли. Иначе до парка точно не доберемся в дневное время.

Брук взяла меня за запястье и повела к выходу.

Как только мы вышли из магазина, тут же мимо нас проехала дорогая машина. «Aurus», если не ошибаюсь. Мне почему-то вдруг показалось, что в этой машине сидел тот самый мужчина, который за считанные секунды вселил ужас и восхищение одновременно в мое сердце. Радует одно: я его больше никогда не увижу.

Глава 5

Прогулка с Брук в главном парке Нью-Йорка отвлекла меня от всех моих обыденных размышлений и насущных проблем. Поездку в Испанию я бы не назвала проблемой, скорее неприятным стечением обстоятельств.

Я никогда не против провести время с бабушкой, но как жаль, что для нее самое прекрасное время, проведенное со мной, лучше проходит в Испании, чем в Нью-Йорке.

Я уже была в Валенсии несколько раз, но друзьями так и не обзавелась. А о чем это говорит? Я начинаю там деградировать без общения с реальным человеком, который близок мне по духу и, которого я принимаю сердцем. Таких в Валенсии я не нашла. Даже тот соседский мальчик убежал от меня, когда пытался познакомиться.

Мне было девять, когда я в саду бабушки нашла песок среди ее особых цветов, которые растут и питаются только за счет него. Маленькая, милая и ухоженная девочка в розовом шелковом платье, подаренное бабушкой, среди песка быстро превратилась в размазанную в грязи оборванку. Зная, какие аристократы проживают в районе бабушки, мальчик, естественно, не выдержал общества девочки с манерами бездомного и таким образом, будто росла в семье гопников. Его нежная психика пошатнулась от такой соседки, и он решил спастись всеми возможными способами. Бежать от нее и больше на глаза не попадаться. Я не удивлюсь тому, что мальчик еще несколько дней и на улицу не выходил.

Рассматривая вокруг себя зеленые деревья, я поняла, что скоро их покроет сначала осеннее золото, а уже после зимний иней. Лето кончается, и я поняла, что в этом году у меня особых воспоминаний из него нет. Даже фотографий. Но это для меня не беда и никак не горе. Воспоминания всегда можно восполнить и неважно в какое время года. Многие вообще забываются и больше никогда не вспоминаются. Наше сознание запоминает лишь самые яркие или мрачные отличительные моменты. Остальные будто засасывает бездна, созданная в нашей голове для ненужного груза.

Лежа на зеленой лужайке, мы с Брук смотрели на небо за проплывающими облаками. Как в прошлом мы изображали свои фигуры из пушистых облаков, облизывая мороженое в стаканчике. Смеялись и тыкали пальцами в небо, крича как ненормальные. Люди на это не обращали никакого внимания. Им было все равно и каждый шел по своим делам, или медленно прогуливался, или гулял со своими животными. Как по мне, американский народ никогда не осудит за странное поведение, за внешний вид и не будет глазеть со стороны, пытаюсь рассмотреть каждую деталь, а потом нагло обсуждать какой-то изъян со своим знакомым. Это мне и нравится в моей стране, что каждый индивидуален и не стремится быть как все.

– Seriously, я не могла перечить твоей бабушке, Элла, – оправдывалась Брук, когда тема с моей поездкой в Испанию на оставшееся лето всплыла на поверхность.

– Я все понимаю, – выдохнула я, понимая, что все равно не отвертелась бы от затей бабушки, и никто бы не помог. Рядом с ней все мои проворные знакомые становятся прозрачными и все их хитрые помыслы для нее в доступности. – Бабушка умеет рушить мои планы, даже если она о них не знает, – фыркнула я.

– Бабушкинское чутье, – усмехнулась Брук. – Ничего, наверстаем упущенное за неделю.

Наша умиротворенная прогулка с Брук продолжалась не долго. В шесть вечера ей позвонила мама и попросила явиться домой, чтобы выполнить вместе с ней какие-то особо важные дела.

Брук взяла с меня обещание, что я позвоню, когда доберусь до дома и побежала из парка добавляя, что ей жаль меня бросать. Я обязала ее не переживать за меня и не думать об этом.

Деймон сказал, что заберет меня в восемь вечера, но ждать его два часа и просто впустую коротать время – не для меня.

Я позвонила ему, чтобы предупредить, что уезжаю пораньше и закажу такси. Несколько минут нравоучений, и я наконец смогла избавиться от его телефонного общества и заказать такси домой через приложение «Uber».

Несмотря на то, что мы с Брук просто гуляли и отдыхали от всей ежедневной рутины, максимально отвлекаясь, мои ноги заныли, когда я расслабилась на заднем жестком сидении машины. Я уже давно не проходила пешком такие расстояния и с непривычки мое тело сейчас молит о расслабляющем массаже или о горячей ванне с пеной. Мысленно я выбираю второй вариант.

Смотря за сменяющимся пейзажем через окно такси, я медленно погружалась будто в сон. Глаза слипались и через некоторое время я перестала бороться с этим, покорно принимая свое уставшее состояние, уверяя себя, что не усну, а просто провалюсь в дремоту.

Сознание начало рисовать силуэт, превращая его в фигуру, а после я смогла различить перед глазами того самого мужчину в парфюмерной. Я даже ощутила его приятный, щекочущий ноздри аромат. Такой одурманивающий, что невозможно сопротивляться, и я просто поддаюсь этому влечению. Пусть этот мужчина и вселяет легкий страх в мое сердце, но в своем туманном подсознании я покорно следую за ним.

После того, как его запах заволок и пленил мой разум, я увидела янтарные глаза. Даже словами не могу описать их невероятную красоту. Они обладают силой и не простой, будто посмотри в них и удержи взгляд на несколько минут – уже загипнотизированная, а на свои руки позволила нацепить тонкие нити, за которые он сможет без проблем дергать и управлять твоей жизнью. Острый и опасный взгляд. Холодный. Толкает от себя грубой силой. Специально пугает, чтобы я отступила и не смела даже пальцем коснуться его призрачной души.

Медленно просыпаясь из своего транса, до меня доходит слабое осознание, что его душа холодная, как мир Антарктиды. Проплывая там, можно наткаться лишь на устрашающие своим видом глыбы ледников. А свистящий холодный ветер, пронизывающий до самых костей, эхом доносящийся по замерзшей пустоши, будет вселять лишь желание освободиться из плена его неприступной ледяной души.

Руки. Крепкие руки, способные разорвать в клочья. Обхватить шею и с легкостью свернуть ее любому. Этими руками можно вытащить сердце и разломать его на куски, разрывая все сосуды.

Мое сознание создает из этого мужчину чудовище, а мое сердце все равно тянется к этому образу.

– Мисс! Вы уснули!?

Я вздрогнула, резко распахивая глаза, когда услышала нетерпеливый голос таксиста. Осматриваясь по сторонам с замутненным рассудком, я поняла, что мы приехали, и водитель ожидает оплаты.

– Прошу прощения, тяжелый день, – прочистила я горло и достала из сумочки купюры, которые вскоре оказались в шершавых руках шофера.

Выходя из машины, я вспомнила свой сон и остановилась у ворот, держась за железную ручку. Почему меня влечет к нему, я понять не могу. Он каким-то фантастическим образом стирает все из моей головы и остается лишь его образ. Утешаю себя лишь одним: что больше никогда не увижу этого мужчину, а его образ медленно рассеется из моей головы, как ветер, уносящий семена с деревьев. По крупичцам.

Я уняла дикое сердцебиение и дернула за ручку ворот, распахивая их перед собой.

Подняв глаза, я увидела две черные машины. На них падали солнечные лучи, которые отражались на черном, до блеска вычищенном металле и ослепляли.

Сердце окружили ужас и страх. Рядом с каждой машиной стояли мужчины в черных классических брюках, черных рубашках и солнечных очках. Их было четверо. Надеюсь. Воз-

можно, в машинах сидят еще, а мне их не видно из-за тонировки. Но что еще более хуже, некоторые возможно в доме.

Мои ноги интуитивно поплелись в дом, забыв о своей ноющей боли. Я знала, что там сейчас что-то происходит и это что-то я обязана увидеть и вообще понять, какого черта здесь происходит. В голову лезут самые страшные мысли, вытесняя все светлые, пугая сердце. С каждой устрашающей мыслью оно делает кульбит. В первую очередь я увидела перед глазами расстрелянного отца, а после направленное дуло холодного, несущего смерть оружия на меня.

Мои шаги ускорились, и я практически бежала, забыв о своей усталости. Страшные, отталкивающие мысли наоборот лишь всегда добавляли в мой организм больше адреналина. Вместо того, чтобы бежать от опасности, я наоборот иду к ней, чтобы встретиться лицом к лицу. И первое в моих помыслах – это не сдаваться и идти напролом, даже если чувствую, как аркан страха на шее только сильнее натягивается, как воздуха становится меньше, и голова кружится, как ноги подкашиваются, и как я просто сваливаюсь в мрачную непроглядную пропасть. Но глубокая решительность подталкивает меня уверенно стоять и смотреть лицу опасности. Она помогает мне омрачать в голове такие мысли, как угроза убивает меня самыми мучительными способами.

Проходя мимо мужчин лет двадцати пяти и тридцати на вид, я поймала на себе их удивленные взгляды. Один из них даже приспустил свои очки, чтобы получше разглядеть меня. Эти заинтересованные взгляды, как огонь на моем теле, и я чувствую, как горит моя кожа.

– Юная леди, – передо мной встал один из парней в черном, заграждая мне дорогу в дом, заставив мое сердце замереть. – Вам туда нельзя.

Я сглотнула. От того, что меня не пускают в мой собственный дом, меня еще сильнее злит, и я набираюсь уверенности. Решительности мне еще добавляет доброжелательный голос этого мужчины. В голосе нет ни капли угрозы, с которой обычно взрослые мужчины пугают таких маленьких девочек, как я. Да и сам он выглядит не угрожающим и опасным.

– По какому праву? Это мой дом, – уверенно отчеканила я, смотря прямо в глаза мужчины, которые скрыты за солнцезащитными очками.

Он вскинул брови и приспустил свои очки на нос, разглядывая меня с ног до головы.

– А кем Вы приходитеесь хозяину дома?

– Вопросы здесь должна задавать я. По какому праву вы на этой территории и не пускайте меня в дом? Кто вы такие?

Уголки губ мужчины дрогнули. Он смеется надо мной? Злость вскипает в моих жилах и наполняет мое сердце резкими толчками.

– Если мы не хотим отвечать на вопросы, то Вам придется подождать, пока гость не выйдет из этого дома, и мы не уедем.

– Да кем Вы себя возомнили!? – пискнула я и шагнула вперед, толкая мужчину со своей дороги.

Но не успела я пройти и двух метров, как его крепкая рука обвила мою талию и через секунду я снова стою на своем месте.

Я гневно уставилась на ухмыляющегося мужчину. Он играет со мной? Скучно стало ждать своего босса? Возмущения застряли в моем горле, но я не могла их высказать, дабы больше не радовать этого неотёсанного болвана своими претензиями и выступлениями. Вместо этого я крепко поджала губы и метала на него молнии из своих глаз.

– Я же сказал, пока нельзя, – мягко напомнил он мне свой полученный свыше приказ.

– Когда меня пытаются остановить, я сильнее хочу добиться своего! – возмутилась я и силой надавила на его черный ботинок своей ногой. Я бы могла дать ему между ног, но такого этот парень еще не заслужил.

Он вскрикнул гортанным голосом и нагнулся, выругавшись. Я воспользовалась этим легким положением и рванула к лестницам своего дома.

– Стой! – послышался его гневный голос позади и это лишь заставило меня ускориться.

Я толкнула входную дверь, слыша тяжелые шаги мужчины позади и захлопнула ее, чтобы хоть немного задержать его. Не мешкаясь в пространстве дома, тут же побежала в кабинет отца.

Дернув за ручку двери его кабинета, я вбежала в комнату и резко остановилась, будто врезалась в незримую стену и застыла на месте с округлёнными глазами. В кабинете с моим появлением стало тихо и лишь мое тяжелое частое дыхание нарушало эту мгновенно засевшую на комнату тишину.

– Элла, – произнес мое имя отец с беспокойством смотря на меня и медленно поднялся со своего места. Кажется, он резко побледнел.

Я заметила, как и его гость стал подниматься со своего места, попутно застегивая пуговицу своего пиджака. Мои глаза округлились еще больше, когда я узнала эту высокую фигуру. А когда мужчина обернулся, мне вовсе хотелось провалиться под землю. Мое дыхание прервалось и, такое ощущение, что я вовсе забыла, как дышать. Я оказалась в капсуле, в котором нет кислорода и все, что остается, это задыхаться, но не оставлять отчаянных попыток найти выход.

Мои глаза впились в его янтарные и в них я смогла прочитывать эмоцию удивления. Кое-что новенькое с первой встречи, которую я считала первой и последней. Он был холодным, сосредоточенным, но безэмоциональным. Кажется, что мы смотрели только друг на друга, не отрываясь, ища какую-то деталь, которая так необходима и мне, и ему.

– Я выведу ее. Строптивная и вредная, – жаловался мужчина, который пытался меня задержать. Я даже не услышала, как он вошел в кабинет.

Схватив меня за руку, он стал тянуть меня к выходу.

– Пусти! – Я стала вырываться и тогда мужчина схватил меня за талию и приподнял, чтобы вынести меня на своих двоих из кабинета.

– Отпустите мою дочь! – грозно рявкнул отец и мужчина мгновенно остановился, испуганно посмотрев на своего босса.

– Отпусти ее, – низким ровным голосом потребовал тот и уже через секунду я стояла на земле на своих ногах.

Подправляя свое платье, которое задралось вверх, я бросила на мужчину гневный взгляд. Он бросил на меня свой оценивающий взор серых глаз и покинул кабинет отца, удаляясь снова на улицу.

Я резко повернулась к отцу.

Мой взгляд метался от него к крупному мужчине, который продолжал рассматривать меня, но уже без удивления. В его выразительных глазах я не заметила ни капли похоти и желаний. Обычная заинтересованность человеком, будто я ему кого-то напоминала, и он медленно начал вспомнить, кого именно.

– Элла, разве тебя не должен был привести Деймон? – мягким, но в то же время недовольным тоном спросил отец, отрубая мой взгляд от мужчины, от которого так и исходит загадка, а я хочу немедля ее разгадать.

– Папа, – я снова посмотрела на мужчину и снова вернула беспокойный взгляд на отца. – Что здесь происходит? Кто эти люди?

– Элла, разве мы не говорили о твоём любопытстве?

– Это не любопытство, – нахмурившись ответила я, чувствуя, как отец начинает по-настоящему злиться.

– Живо в свою комнату. Позже поговорим, – сдержанно потребовал он и я вытянулась как струна, ощущая всем телом холод в его голосе.

– Папа, – не унималась я и мое упрямство вышло мне боком.

– Элла, живо в комнату! – на повышенных тонах уже приказал отец и я вздрогнула.

Поджав губы и, яростно хлопнув дверью, подчиняясь строгой воле отца, я вышла на улицу, падая задницей на лестницу. Лучше я буду держать на виду этих людей в черном, чем буду засиживаться в своей спальне и ждать непонятно чего.

Кто они? Группировка? Мафия? Ну уж явно не коллеги отца. Боже, как же мне страшно за его жизнь. Он общается с такими людьми. Неудивительно, что гиперопека повышена и не знает критической точки. Отец действительно страшится за своих детей, а грубость и приказной тон для него – это хороший метод.

Я не могу отнести этого мужчину к опасной группировке убийц. Он не может собирать людей и работать как машина убийца. Все потому, что я увидела его в парфюмерном магазине со флаконом духов, стоящего в живой очереди перед кассой. Да, все что я знаю об этих людях, так это лишь то, что они убивают и занимаются контрабандой оружия и наркотики. Но мне и этого было достаточно, чтобы понять, что такие люди очерствели внутри себя уже давно и не способны вести себя как обычные люди, стоя в каких-то супермаркетах в очереди, или уж тем более в парфюмерных магазинах.

Я тряхнула головой. Обнимая себя за плечи, я нагнулась и прижалась грудью к своим бедрам, а лбом – к коленям, закрывая глаза. И почему я пытаюсь оправдать этого мужчину, от которого так и веет опасностью и холодом? Неужели первая встреча в парфюмерном магазине так смягчила мое общее впечатление о нем? Сейчас он, возможно, угрожает отцу, а я сижу здесь и нахожу аргументы, чтобы не вносить его в список убийц.

Угомони свои мысли, Элла!

Затерявшаяся в своих мыслях, которые словно вихрь утягивали меня из реальности, все же я смогла услышать тяжелые шаги позади себя. Через пару секунд рядом, а еще через некоторое время они стали отдаляться.

Я резко подняла свою голову и выпрямила спину, продолжая сидеть на лестнице. И черт меня дернул заговорить с этим незнакомцем.

– Кто Вы такой и зачем приходили к моему отцу? – выпалила я свой вопрос ему в спину не запинаясь ни в одной букве.

Мужчина остановился и медленно развернулся ко мне. Его глаза были закрыты черными очками, но я всем нутром чувствовала на себе пристальный тяжелый взор, который словно камень на моей груди.

Он молчал. Это молчание работало на мне негативно. Моя уверенность рассыпалась внутри, а серое вещество в моей голове таяло и разливалось, словно вода.

– Не влезай в дела своего отца в столь юном возрасте. Лишишься будущего, – грубо отрезал он, посылая этим суровым голосом вибрации по моему телу.

Я застыла, а к глазам napросились нежелательные слезы. Мужчина отвернулся от меня и снова зашагал вперед. Его люди оживились и расселись по своим машинам. Наши ворота автоматически открылись и черные машины покинули наш двор. Ворота закрывались, и я могла видеть, как темные пятна исчезают из-под моего пристального расплывчатого взора, а на смену им пришла серая стена ворот.

Я сжала в кулаках ткань своего белого платья и первая капля слезы с моей щеки упала на мой кулак, оставляя теплый след на коже. Мурашки с момента его слов не покидали мое тело, поскольку я продолжала эхом слышать их в своей голове. Сердце билось в конвульсиях, а тело дрожало как на морозе.

Ощувив на своих плечах теплые руки отца, я вздрогнула.

– Элла, я же просил быть в спальне, – мягко подметил папа каким-то отчаянным голосом.

Я медленно повернула к нему лицо, смотря на него снизу-вверх. Мне кажется, или у него добавились морщины на лбу?

– Папа, кто эти люди? – взмолилась я, не сдерживая слезы горечи, вызванные не только словами незнакомца, но и не простой участью нашей семьи.

– Они те, от кого люди всегда должны держаться как можно дальше, – отец выпрямился и закинул руки за спину, смотря куда-то вдаль. Мне кажется, он провалился в свои воспоминания.

– Тогда почему ты не придержался этого наставления? – сдавленно спросила я.

Папа тяжело вздохнул и опустил голову. Кажется, воспоминания у него не очень приятные. Как бы я хотела залезть в его голову и утешить. Облегчить тяжкую ношу на его груди, разделив хотя бы надвое и принять на себя одну половину.

– Пойдем в дом, – только и сказал он, помогая мне подняться.

Вместо того, чтобы пойти в дом, я рывком прижалась к отцу и крепко обняла его, утыкаясь мокрым лицом в его широкую грудь. Папа принял мои объятия и сильнее прижал меня к себе, опираясь щетинистой щекой в мою голову. Из меня так и нарывались выйти громкие рыдания, но я всеми силами сдерживала их. Они отравляли мою душу и втыкали кинжалы в мое сердце. Эта боль была физической.

Моя семья – это все, что у меня есть. Иметь ее для меня – это как дышать свежим воздухом и чувствовать жизнь.

– Я люблю тебя, пап, – пробубнила я в его грудь, которая уже была мокрой от моих слез. – Обещай мне, что никогда не бросишь меня, – отчаянно потребовала я.

– Я обещаю тебе, что пока я жив, никогда не брошу тебя, родная моя. – Отец поцеловал меня в макушку и сильнее прижал к себе, что я уже не могла дышать и даже плакать.

Смерть – единственная причина, по которой отец оставит меня. Ее основная функция – неизбежность. И это совершенно нормально, что люди начинают ненавидеть смерть, когда она нагло отбирает у них близкого человека, который так был им нужен. Но, теряя близкого человека, мы сами перестаем подозревать, что думаем лишь о себе в это мгновение. Мы жалеем себя. Ведь человека, который был нам нужен во всем, чтобы мы были в благополучии, забрала смерть, дабы в первую очередь предоставить ему покой.

Теряя маму, я жалела себя, но не злилась на смерть, уверенная в том, что она предоставила ей лучший мир.

Успокоилась я через двадцать минут точно. Еще через тридцать минут приехал Деймон. Алиса накрыла на стол, и мы принялись ужинать, каждый погруженный в свои мысли. Сейчас я даже была готова смотреть на недовольные взгляды бабушки и слышать их с отцом холодную ругань за столом, только бы не это гнетущее молчание, разрывающее сердце. Навязчивые мысли терроризировали мозг и дразнили нейроны, поднимая медленный шторм в нервной системе.

– Уже собрала вещи? – любопытствовал Деймон таким неуверенным голосом, будто это папа попросил его неммым требованием заговорить со мной.

– Нет, – буркнула я ровным низким голосом и засунула кусок помидора черри в рот, который долгое время ковыряла вилкой в тарелке.

– Наша принцесса чем-то недовольна? – подначивал весельем Деймон, но он сам вытягивал эту радость из тебя тонкими нитями.

– Если ты мне еще что-нибудь скажешь фальшивым весельем, я кину в тебя помидором, – пригрозила я и он поджал свои полные губы.

Папа прочистил горло и вытер губы салфеткой.

– Деймон, зайди ко мне. Поговорим о твоей работе. – Папа встал из-за стола, а я почему-то сжала вилку в кулак. – Спокойной ночи, доченька, – он поцеловал меня в голову и удалился из столовой.

Деймон допил свой свежавыжатый сок и поспешно вытер свои губы салфеткой. Я с недовольством наблюдала за его действиями.

– Сладких снов, сестренка, – подмигнул он мне и легким бегом побежал в сторону кабинета отца.

Боже, эта комната хоть когда-то будет пустовать?

Я кинула вилку на стол, и она издала характерный звук удара металла от дерева. Если они думают, что я правда иду спать, то эти мужчины из моей семьи глубоко заблуждаются.

Я сняла салфетку с шеи, вешать которую меня приучила бабушка и вытерла влажные помидорным соком губы. Небрежно бросив салфетку на стол и взяв пустой стакан, я осторожно отодвинула стул и практически на цыпочках стала приближаться к деревянной двери кабинета отца, которая уже приманивает меня ежесекундно. Мое подсознание знает, что за ней раскрываются самые важные тайны семьи, которые мне неизвестны. И не будут ведомы до конца моих дней, пока я сама не решусь узнать их. Чем больше буду знать, тем меньше приключений. Чем больше ответов, тем меньше вопросов и проблем. Если я буду знать обо всем, то точно буду самой осторожной и послушной дочерью.

Я приблизилась к двери и села на корточки. Приложив стакан к деревянной поверхности, я прижалась ухом на другой его конец и прислушалась, затаив дыхание.

– Он был здесь? – Голос Деймона был непривычно разгневанным и агрессивным.

– Тише. Да. Он увидел Эллу, – с грустью в голосе сказал отец.

Я вскинула брови и плотнее прижалась ухом к стакану, сжимая пальцами его прозрачные стенки.

– Эллу? – тут же остыл Деймон, словно был обескуражен этой новостью. – Черт.

– Я хотел сберечь ее от этого грязного мира. Не хотел, чтобы ее увидел хоть один из них. Но... Эдвард Дэвис не трепло, и он сам по себе. Может он и убийца, но все же есть в нем человеческие инстинкты.

Эдвард Дэвис... Эдвард... Дэвис. Так вот как его зовут. Это имя теперь прокручивается в моей голове и все, с чем я ассоциирую это имя – это только с самим дьяволом.

– О ней не узнают другие? – с надеждой спросил Деймон.

– Уверен. Он сам мне поклялся. В этом вопросе я ему верю. Элла считается мертвой.

Я закрыла ладонью рот, чтобы не вскрикнуть и села на пол, ошарашенная этим заявлением из уст отца. Стакан чуть не выпал из моих рук. Еще немного, и я бы провалилась снова, если бы не взяла себя в руки и не прижала стакан к груди.

Приподнимаясь на ватные ноги, я отошла от двери на более безопасное расстояние. То есть я вышла на улицу и остановилась на крыльце. Мне катастрофически не хватало воздуха. Я громко и часто стала дышать и при этом не верить в услышанное. Сердце гроыхало и от боли в груди, мне снова захотелось разреветься.

Закат покрывал голубое небо рыжим оттенком, набрасывая свой богатый теплый цвет на меня и на наш дом. Но даже это прекрасное явление, которое я так люблю, не может отвлечь меня от ужасных слов отца.

Элла считается мертвой.

Что за ужасная фраза? Она так и заставляет мое сердце затаится и позволить разуму прислушаться к ней, добавляя к этой фразе еще больше вопросов.

Как я училась в школе? Как я поступила в университет? Мое имя Элла Тейлор и как я могу считаться мертвой? У меня есть документы. Как это возможно? Что такого сделал папа, что я считаюсь мертвой?

В голове был рой вопросов. От них у меня резко заболела и закружилась голова, что мне пришлось медленно присесть на лестницу крыльца. Ко мне подкрадывается грустное и мучительное осознание, что эти вопросы я не смогу задать отцу. Все, что я смогу узнать, то остается со мной и ни в коем случае не распространяется. Если я услышала эту ужасную новость, то должна исследовать ее до конца, но уже в одиночку. И первое, что я сделаю, это обещаю кабинет отца. Другого варианта в моей голове пока нет.

Эти мысли придали мне больше сил и решительности. Эта новость больше не мучила мое сознание и сердце, отступая перед моей силой и уверенностью.

Я резко вскочила с теплой лестницы, подогретой закатными лучами солнца и направилась в дом.

Я успела сделать всего три шага, как донесся оглушительный взрыв в доме, сотрясая стены. Земля под моими ногами задрожала, и я упала на деревянное покрытие крыльца, ударяясь головой о твердую поверхность. Перед глазами все поплыло. Небо с размазанными легкими облаками на нем, будто это мазки кистей на холсте. Макушки зеленых деревьев закружились, словно их поглощает в себя смерч. Тошнота подступала к горлу и, прежде чем закрыть глаза от бессилия и траты действующего разума, перед глазами предстал образ мамы, а на ее синих, как глубокая бездна океана, глазах навернулись слезы.

Смерть огорчает и ее.

Глава 6

Первое, что я почувствовала, когда мое сознание начало медленно просыпаться из спячки – это опустошенность. Она окутала мою душу в липкий кокон. Этот кокон, словно паутина. Я запуталась в ней и не могу выбраться. Казалось, чем больше я стараюсь высвободиться, тем сильнее запутываюсь. Цепкие, на первый взгляд тонкие нити, обхватили все мое естество. Паника возрастает. Инстинкты самосохранения и самозащиты выбираются наружу напрямик из моего сердца, и я хочу кричать. Кричать до боли в горле, до разрыва связок. Мне хочется плакать от того, что мое сердце чувствует полное одиночество. Это одиночество сжирает меня до самых скрытых глубин души, словно тля в одежде, намереваясь поглотить весь огромный лакомый кусок полностью.

Я хочу бороться с этими внезапно нахлынувшими ощущениями, которые посылают меня в темный и холодный подвал. Но чем больше я сопротивляюсь, тем снова хуже. До меня доходит, что выбора особого нет. Я просто лежу неподвижно и позволяю этим сжирающим разум, сердце и душу паразитам овладеть мною полностью.

***

Я чувствую холод, пронизывающий до самых костей. Открывая глаза, их до физической боли ослепляет яркий белый свет, и этот свет буквально разрезает мои глазницы. Мне вдруг показалось, что я лежу на холодной, пустынной земле. На нее и на меня медленно падают белые снежинки, покрывая землю белоснежным ковром. Они накрывают мое лицо и не таят. Будто все мое тело покрылось льдом и эти снежинки нашли свой дом, бесстрашно ложась на мою безопасную для них ледяную кожу. Небо полностью белое, без каких-то трещинок, через которые могут проникнуть теплые солнечные лучи и обогреть меня.

Моя душа плачет от безысходности. Единственная слеза скатывается по моему виску и теряется где-то в куче снега. Она до чертиков холодная, будто горошина льда вышла из моего глаза.

– Проснись, моя девочка, – слышу я мягкий голос мамы и будто дыхание прорезывается в моей груди. Она свободно поднимается, словно голос мамы раскромсал давящий лед внутри меня.

– Мама, – беззвучно, одними губами зову я ее, но голоса нет.

– Не смей пускать свою душу в холод. Не смей замуровывать свое сердечко в лед. Не смей замораживать свои чувства. Ты сильная. Я в тебя верю. И помни, что я всегда с тобой.

Голос мамы эхом доносится по белому пространству. Я пытаюсь поймать его, но тело обездвижено. И он улетает в неизвестность. Исчезает среди кучи снежинок и становится недосыгаемым.

***

Вдох. Резкий вдох. Моя грудь сильно приподнимается, а после я слышу биение своего сердца. От сильных ударов взрывается толстый слой льда вокруг жизненно важного органа. Я ощущаю запах жизни, вместо свежего аромата лютотого холода, покрывающий все мое тело инеем.

С меня падают снежинки, которые уже успели толстым слоем накрыть мое тело. Лед трескается. И с приятным звуком, ласкающий слух, трескается купол вокруг меня. Наконец появляются трещинки и солнечные лучи обнимают мое тело в спасательном жесте.

– Открывай глазки, моя хорошая. Вот так, – слышу я чей-то нежный голос практически над ухом. Но это уже не голос мамы. – Снимайте наркоз.

Я вдыхаю еще больше воздуха через нос, когда с лица снимают какую-то маску. Легкие наполняет острый запах медикаментов и этот запах резко толкает меня в реальность. Этот аромат щекочет мои ноздри, и я морщусь, пытаюсь открыть глаза.

Снова яркий свет бьет в глазницы, и я чаще моргаю. Замутненные глаза, покрытые пеленой, не в ясности посылают картинки в мой мозг, и я не могу в полной мере разобраться, где нахожусь.

Глаза проясняются, а вместе с ними и разум, в полной мере вспоминая о своей функции размышлять и анализировать. Я вижу белые стены, белый потолок и яркое свечение лампы надо мной. Мельтешащие люди в белых халатах вызывают тошноту из-за своих резких движений перед моими глазами.

– Все хорошо, Элла. Ты проснулась. Все хорошо, – слышу я тот же нежный голос, и вижу лицо обладательницы этого голоса.

Миссис Эванс. Мать Брук. Она работает хирургом в клинике Манхэттена. Подкрадывается осознание, что я сейчас лежу на больничной койке и только недавно эта добрая женщина боролась за мою жизнь.

– Пить, – хриплю я почти неслышно.

Во рту до невозможности пересохло, а в горле будто распласталась великая пустыня Сахара.

Миссис Эванс осторожно приподнимает мою голову и подносит к губам стакан такой желанной воды. Как только прохладная жидкость касается моих губ, я с жадностью начинаю глотать ее, не обращая внимания на то, что половина вливается на мою шею.

Женщина заботливо обтерла полотенцем участки моей кожи, куда попала вода.

Я пыталась пошевелиться, чувствуя, как отекло все тело. Это было очень плохой идеей. Острая боль в голове мгновенно парализовала меня, и я сморщилась, шипя.

– Тише, милая. Еще рано вставать, – мягко настояла миссис Эванс, слегка надавливая на мое плечо, и я расслабилась, жмурясь отгоняя мучительную боль в голове.

Открыв медленно глаза, я теперь боялась даже пальцем пошевелить, не намереваясь больше ощущать ту тугую боль, которую получила несколько секунд назад. Осмотревшись, я заметила, что все остальные люди в белых халатах покинули помещение и со мной осталась только миссис Эванс.

Посмотрев на нее, я заметила, как она что-то заполняет сосредоточенным лицом. Видимо, это моя медицинская карта. Медицинская шапочка на голове женщины прячет ее блондинистые волосы, но несколько передних прядок все же выбрались и теперь обрамляют ее бледное, с острыми чертами лицо. Черные глаза внимательно вычитывают информацию на карте, и я замечаю, как брови женщины слегка хмурятся.

Миссис Эванс вздыхает и поднимает на меня свои уставшие глаза. Черные круги под глазами будто никогда не исчезают с ее лица, и я уже представить не могу, как ей будет без них.

– Я задам тебе пару вопросов, хорошо? Только не напрягайся.

Я моргнула, показывая таким образом свое согласие.

– Ты помнишь свое имя?

– Элла, – хрипло ответила я. – Элла Тейлор.

– Своих близких?

Я снова моргнула, еле как кивая головой.

Внезапно я снова почувствовала боль, но уже не такую сильную. Боль появилась от того, что я вспомнила, как оказалась в клинике и в этой палате. Воспоминания резко нахлынули, как тяжелая волна, пытающаяся утопить меня.

Я успела сделать всего три шага, как донесся оглушительный взрыв в доме, сотрясая стены особняка. Земля под моими ногами задрожала, и я упала на деревянное покрытие крыльца, ударяясь головой о твердую поверхность. Перед глазами все поплыло.

Ужас охватил меня. Округленными глазами я посмотрела на миссис Эванс, а к краям уже подступали горькие слезы. Женщина вскочила со своего стула и принялась гладить меня по

голове бережными движениями. Только сейчас я поняла, что вся моя голова обмотана бинтами и перевязана под подбородком.

– Тише. Тише, спокойно.

– Миссис Эванс, – шепотом говорила я дрожа. – Папа, Деймон. Где они?

– Все хорошо. Тише. Все будет хорошо. Только не нервничай, иначе снова потеряешь сознание, – взволнованно трепетала женщина, поглаживая меня по плечу и голове.

– Там был взрыв. Они живы? – Мой голос прорезался от накатившего волнения, которое наполняло мое сердце.

– Живы. Они живы, – успокаивала меня хирург, а я внимательно смотрела в ее глаза, пытаюсь найти правду.

Вдруг она обманывает меня, чтобы я не впадала в истерику и горе. Черные глаза, будто сама непроглядная бездна. У обладателей таких глаз сложно выведать правду самой, пристально всматриваясь в них. Теряешься во тьме.

– Скажите мне правду, – дрожащим голосом умоляла я, вцепившись руками в ее руку.

– Я говорю тебе правду. Когда сможешь встать на ноги, я отведу тебя к ним. Обещаю. – Миссис Эванс говорила искренне и с уверенностью, и я приняла решение верить ей безусловно.

Чувствуя, как расслабляется мое тело от полученной утешающей информации, мне уже хотелось сейчас же встать на ноги и навестить самых близких мне людей. Хочу быть уверенной в том, что с ними все будет хорошо.

В ушах все еще стоит тот самый оглушительный взрыв, подавляющий мою надежду на то, что папа и Деймон смогут встать на ноги. Мрачные мысли угрожающе подкрадываются под корку головного мозга и начинают там вводить свои собственные правила. Я кое-как стараюсь отгонять их своей верой, поселившаяся в моем дико бьющемся сердце.

– Сколько дней прошло с того случая?

– Ночь. Вас привезли в девять вечера. Сейчас уже день. У тебя никаких серьезных повреждений на теле. Ты сильно ударилась головой. Небольшое сотрясение, – объяснила мне миссис Эванс. – Брук всю ночь просидела в зале ожидания, и до сих пор там. Как и твоя бабушка.

– О нет, – ужаснулась я. – Сообщите бабушке, что со мной все хорошо. У нее слабое сердце.

– Все уже сообщили, не переживай, – улыбнулась она. – Хочешь, я их позову?

– Если можно, – тихо попросила я и миссис Эванс улыбнулась шире, обнажая свои бело-снежные зубы, кивнув.

Когда она вышла из моей палаты, я вздохнула. В моей голове все еще густой туман, и я не могу начать размышлять о случившемся. Только я пытаюсь сосредоточиться, мысли снова путаются. Будто поднимается вихрь и поглощает все в себя, затем выплевывает ошметки. И я снова копаюсь в них, пытаюсь разобраться в этой головоломке.

Главные вопросы: Кто это сделал и зачем?

Дверь моей палаты со скрипом отворилась, и я повернула голову в сторону звука. Никто пока не торопился заходить. Сейчас я жалею, что позволила пригласить бабушку. Увидев меня такую, она еще сильнее расстроится и точно заплачет. Я только потревожу ее и так слабое сердце.

– Только постарайтесь говорить с ней не так много. И меньше информации с того злополучного вечера. Ей нужно восстановиться, – слышались тихие наставления миссис Эванс.

Я заметила копну блондинистых волос Брук и после ее улыбающегося лица.

– Дорогая моя, – выдохнула она с облегчением и стала приближаться к моей постели. За ней следовала моя бабушка.

Сердце заныло, когда я увидела измученный вид моих близких людей. Бабушка никогда не позволяла себе выглядеть так растрепано и неопрятно. Так было лишь раз, когда умерла

мама. Бедная женщина. Уверена, она только что пережила те самые ужасные времена заново. Представить не могу, как она еще держится на ногах.

– Мое сокровище, – прошептала бабушка и поцеловала меня в лоб. Горячая слеза с ее щеки упала на мою щеку.

– Ну полно, Сеньора, – вымученно улыбнулась я, стараясь не показываться хмурой и расстроенной. Лучше буду шутить и уверять ее этим, что все обошлось. – Прекратите реветь. Вы столько средств потратили на свое омоложение. Не порте свою красоту.

– Она шутит. Значит все с нашей малышкой хорошо, – оживилась Брук и взяла меня за руку.

– Так и чувствовала, что надо было улететь раньше. Ты бы тут не лежала, – корила себя бабушка.

– Бабушка, от судьбы не убежать. Если мне предстояло лежать тут, то я бы все равно оказалась в таком положении. – Я прикусила нижнюю губу. – Ты была у Деймона и папы?

Глаза бабушки накрыли сожаление и легкий ужас. Впервые от упоминания папы, она не закатывает глаза и не бубнит под нос колкости в его адрес. Мое сердце замерло, когда они с Брук переглянулись и продолжали молчать. Навязчивые, терроризирующие подсознание предположения снова подкрались и вытесняли мою надежду на все хорошее и светлое.

– С ними все хорошо, – натянула улыбку бабушка и сжала мою руку в ободряющем жесте. – Пойду принесу тебе бульон.

Бабушка поспешно вышла из палаты под этим предлогом. Когда она не может быть уверенной передо мной в каком-то вопросе, то избегает под приличными и действующими аргументами.

Я посмотрела на Брук. Та опустила глаза и поспешно вытерла слезу со своей щеки, не прошено вышедшую из глаза.

– Брук, скажи мне правду, – взмолилась я.

– Элла, ты сама скоро их увидишь, – с грустью в голосе только и сказала она, пытаясь отвертеться от моего вопроса.

– Брук, – я сжала ее руку, – пожалуйста. Иначе я сейчас сама встану.

– Тебе еще рано, – ужаснулась она.

– Вот именно.

Брук тяжело вздохнула и села на стул. Посмотрев на дверь, слегка отдаваясь всем корпусом в сторону, она убедилась в том, что никого нет и снова выпрямилась.

– Взрыв произошел в кабинете твоего отца.

– Они же тогда были там! – ужаснулась я и почти выкрикнула. Сердце забилося как бешеная птица в клетке.

– Тише. Не совсем. Как я слышала, на их спинах многочисленные ожоги. А что это значит?

– Они в это время выходили оттуда, – догадалась я и ощутила легкое облегчение в груди.

– Да. Они оба в коме, но живы. Их толкнуло на несколько метров ударной волной. – Брук вздохнула. – Я заглядывала к Деймону. – Она опустила глаза и шмыгнула носом. – Я...я очень переживаю.

– Он безразличен тебе, – улыбнулась я и погладила ее руку.

Моя подруга лишь кивнула и почесала красный нос. Кажется, она изрядно проревелась за ночь, что даже макияжа на ее лице нет.

– С ними обязательно все будет хорошо, – уверенным голосом уже говорила я, когда слышала все, что произошло с папой и Деймоном. – Это Тейлоры, – шире улыбнулась я и Брук усмехнулась.

– Это точно. Одна фамилия все скажет. Их ничего не возьмет, – уже с весельем добавила Брук.

– Верь вместе со мной, чтобы я не была одна.

– Конечно, Эллочка, – она поцеловала мою руку. – Я всегда буду с тобой.

– А пока они в коме, я должна узнать, что произошло и кому это надо было, – в моем голосе появилась злость.

Брук в ужасе расширила свои глаза и снова посмотрела на дверь.

– Ты с ума сошла!? – прошипела она. – Этим занимается полиция и ФБР. Ты даже не представляешь, сколько их тут. Всю клинику заполнили.

– Они мне ничего не скажут.

– Естественно не скажут. Если ты дочь начальника штаба, и сестра сотрудника ФБР, то тебе это не откроет дорогу к истине. Сиди на заднице ровно, поняла меня? – прошипела Брук и уставилась на меня с легким гневом, проблескивающий в ее глазах.

Я вздохнула и кивнула. Брук расслабилась и снова посмотрела на дверь.

Мой отвлекающий маневр в действии.

Вот именно. Я дочь начальника штаба, и сестра члена ФБР. В моей крови кипит справедливость и месть, а не только доброта и свет, освещающий мою душу.

Еще я не забыла о разговоре брата и отца.

Элла считается мертвой.

Меня терзает эта фраза и я всеми способами должна больше разузнать об этом.

Если я во всем этом не разберусь, то меня уже зовут не Элла и я действительно буду считаться мертвой. Сила моего духа и жажда правды придерживают меня на плыву в разрушенной лодке. И на этой лодке я смогу проплыть весь мировой океан, пока не устану грести и не брошу весла. Всем естеством я ощущаю, что не позволю себе так поступить со своими принципами. Я предаю саму себя таким поступком. Пусть ураган, град, бьющий по спине и лицу, пусть руки в кровь от усталости махать веслами, но я не сдамся. Потому что у меня есть моя семья, за которую я перегрызу глотку любому. Стоит лишь пробудить во мне злобу, коварство и жажду мщения.

Я начала ощущать свой внутренний мир, практически дотрагиваясь до него своими руками. Во мне живут две личности и пробудить вторую, достаточно тяжело. Если не коснуться и не попытаться отнять то, что я люблю и что принадлежит только мне. Больше времени я провожу с личностью доброй, наивной и милой девочки.

Первый и последний раз, когда во мне восстала темная сторона, окутавшая меня как черная дымка, это было в ночь, когда меня пытались изнасиловать. В моих желаниях было убить тех громил, а мысли об убийстве, да еще о таком изощренном, никогда не посещали мою голову.

Брук написала моя бабушка. Она попросила ее помочь привести для меня еду.

Когда моя подруга вышла, я снова погрузилась в воспоминания о вчерашнем дне.

Эдвард Дэвис. Теперь я знаю его имя, и он первый, кто попал в пункт списка подозреваемых в содеянном. Ясно, что отец что-то должен ему, и он приезжал со своей шайкой напомнить ему об этом. Дэвис был в его, кабинете и он вполне мог установить взрывчатку. Мотив у него есть, я в этом уверена. Папа что-то должен ему, но он не получил желаемого. В таких обстоятельствах от человека проще избавиться, забрав его жизнь.

– Может Эдвард Дэвис и убийца, но есть в нем человеческие инстинкты.

Убийца. Ему не составило труда сделать это. Такие как он думают лишь о своем благополучии и плевать на всех остальных. Мафиози не копят себе врагов и должников. Они просто избавляются от них, как от мусора. Использованный биоматериал не должно мешаться под ногами.

– Элла?

Я вздрогнула и повернула голову к источнику звука. В палату зашли бабушка с Брук, а из-за своих рассуждений я даже не услышала, как они вошли.

– Мы привезли тебе покушать, – улыбнулась бабушка и стала раскладывать все с тележки на поднос.

Я посмотрела на свои руки. Сжимая простыни, костяшки побелели, а кожа натянулась. Расслабив их, я почувствовала, как кровь прилила, и кожа приобрела здоровый оттенок.

Ярость донимала меня и сжирала изнутри не своевременно, стоило мне подумать о Эдварде Дэвисе. В моей голове его образ проектируется как образ чудовища, а в моих желаниях стереть его с лица земли. Жажда мести, гнев, ярость, злость – все это так ново для моего организма, что испытывая их, я чувствую легкую усталость.

Я покорно и охотно начала принимать пищу, когда бабушка подняла крышку миски и в нос ударил запах только что сваренного, горячего куриного бульона. Желудок заурчал, вспоминая, что не потребляет пищу всю ночь и целый день, а слюновыделение такое, что могу наполнить им стаканы.

– Мне пришлось сдать твой билет обратно, – с грустью сообщила бабушка, когда я трамбовала съеденное водой.

– Ты улетаешь одна? – ошарашенно спросила я ее.

– У меня там дела, милая. Неотложные. Я попросила Маргарет забрать тебя к себе, пока у нас такое плачевное положение.

– Мы уже планируем поставить еще одну кровать в мою комнату, – улыбалась Брук ошарашенная этой затеей.

Я натянуто улыбнулась ей, затем снова посмотрела на бабушку, и улыбка спала с моего лица вовсе.

– У тебя все хорошо? – обеспокоенно спросила я, рассматривая ее внимательными глазами, будто пытаюсь влезть прямо в душу.

– Все хорошо, солнышко, – улыбнулась бабушка и погладила меня по щеке своей нежной рукой.

– Надеюсь, Вы не долго, Сеньора? Иначе умру от тоски, – весело проговорила я широко улыбаясь.

Бабушка молча смотрела на меня. Взгляд ее голубых глаз был поникшим, но пристальным. Глаза бегали по моему лицу, будто она хотела запечатлеть в своей памяти каждую мою деталь. Бабушка улыбнулась, а глаза заблестели.

– Как ты похожа на свою мать, – прошептала она и обняла, стараясь не давить на мое тело. – Одного желаю, чтобы ты не испытала ее судьбу и прожила спокойно до самой старости.

Я крепче обняла бабушку и уткнулась носом в ее плечо, когда почувствовала, как там противно закололо. Навязчивые слезы уже щипали глаза, и я закрыла их, чтобы задержать нежелательные соленые дорожки на своих щеках.

Рейс бабушки завтра утром. Я убедила ее вернуться домой и отоспаться, чтобы хорошо добраться до Испании. Она долгое время обнимала меня, не желая отпускать и уходить. Я давно не наблюдала в ней таких порывов. Обычно она улетала в Испанию даже не прощаясь, ведь знала, что вернется. А сейчас все иначе. И это не может не волновать мое сердце. В голову сразу лезут страшные мысли, терзающие душу.

И почему мне кажется, что моя размеренная жизнь начинает идти наперекосяк, а я даже сделать ничего не могу?

Так я подумала, когда увидела сначала Деймона через стекло реанимационной палаты, а после отца. Миссис Эванс запретила мне заходить к ним. Есть определенные правила, не позволяющие этого сделать. В первую очередь антисанитария. Многочисленные трубки, торчащие на их груди и шее, пугают. Лиц практически не видно из-за больших масок наркоза. Плакающие мониторы – единственное, что сейчас придает мне надежду и уверенности в том, что мои родные выживут. Они доказывают, что их сердца все еще бьются, а мне остаётся верить в то, что они никогда не остановятся.

Я приложила ладонь к стеклу, за которым лежал мой отец. Его руки были обожжены и местами покрылись жесткой бордовой коркой. Миссис Эванс сказала, что вероятно мой отец последним выходил из кабинета, поэтому ему досталось больше Деймона. Он прикрыл его с собой. Даже не зная о страшной судьбе наперед, отец всегда защищает своих детей. Будто чувствует приближающую к нам опасность.

Я обессилено приложилась к стеклу еще и лбом, чувствуя, как слезы размером с горошину скатываются по моим щекам и падают на кафель, разбиваясь там вдребезги.

– Папочка, услышь меня. Я рядом. Я сделаю все, чтобы ты открыл глаза, слышишь? Ты только не покидай меня. Я хочу быть эгоисткой и держать тебя рядом с собой, даже если ты собрался уходить от меня. Я не смогу тебя сейчас отпустить. Пожалуйста, помоги мне и поправляйся. Только борись.

Я всхлипнула и смогла подавить рыдания, закрывая рот ладонью. Сердце внутри меня дрожит и обливается кровью. По телу пробегает холодок и мне хочется скомкаться в комочек прямо здесь на полу и лежать как беззащитное существо. Я чувствую себя такой одинокой...

Я дрожащими руками вытерла слезы со щек и мокрых ресниц. Сентиментальность – это не ошибка, но с ней не стоит затягивать. Имеет свойство привязывать. Становишься зависимой от нее и тогда уже перестаешь быть сильной и прекращаешь бороться. Я могу изредка оплакивать свое состояние, но знать меру и когда стоит остановиться.

Я шмыгнула носом и развернулась. Вместо пустого помещения для врачей, я наткнулась на большую фигуру в темном костюме. Мое лицо было на уровне его груди, как и глаза. Сердце замерло, потому что эту фигуру я узнаю из тысячи, хотя встречались мы всего два раза.

Сглотнув, я медленно подняла глаза на мужчину, который стал мне ненавистным всего за пару секунд и впиалась в него презренным взглядом.

Он смотрел через стекло на моего отца, и через несколько секунд опустил свои слегка сощуренные глаза на меня. На его фоне я казалась маленькой потерянной девочкой в данный момент, с бинтами на голове и в больничной сорочке из синтетики, но не чувствовала ни капли страха. Лишь тень ненависти, нависшее над моим сердцем.

Мужчина смотрел на меня беспристрастными глазами. В них не играли искры удивления, ненависти или злобы. Не было ничего абсолютно. Его глаза – прозрачное стекло, на котором невозможно ничего прочесть.

В моих глазах он, я уверена, смог прочесть массу эмоций: от всепоглощающей ненависти, до убивающего горя. Сейчас я не могу и не хочу контролировать себя. Меня больше интересует его присутствие здесь.

– Что Вы здесь делаете? – хриплым и низким голосом спросила я.

Мужчина смерил меня своим взглядом и снова посмотрел прямо в мои глаза.

– Очевидно же, что приехал навестить своего друга, – свойственным ему безэмоциональным и низким голосом ответил он.

– Вы издевайтесь надо мной!? – зашипела я.

Его ответ снова разжег в моей груди пожирающий огонь ненависти.

– Я не из тех, кто получает удовольствие от издевательств над немощными.

– Но получайте удовольствие, когда делаете их такими! – гневно процедила я стойко держась на ногах.

– О чем Вы говорите, юная леди? – непонимающе нахмурился он.

– Вздумали театр играть здесь? Кому, как не Вам выгодна смерть моего отца?

Мужчина склонил голову в сторону, прищурился. Густые черные брови были нахмурены, но не угрожающе, а скорее непонимающе. Его взгляд не изменился на злобный, получая от меня такие слова и такой тон. Видимо, действительно считает маленькой и глупой девочкой, не знающей ни о чем. А тот, кто не прав, не должен получать гнев в ответ.

Почему сейчас смотря в его глаза, я усомнилась в своей правоте? Может я изрядно ударила головой и поэтому посчитала его убийцей своего отца? А когда он стоит передо мной, все снова становится на свои места. Он убийца, но не такой как все.

Что за бредни, Элла!?

– С чего Вы это взяли? – даже с интересом спросил он, будто хотел услышать мою версию.

Я набрала воздуха в легкие и немного задержала дыхание, после выдохнула. От такого действия последовало легкое головокружение. Если начала, то следует идти до конца.

– Вы в последний раз были у папы. Не знаю, какие проблемы у него с Вами, но взрыв произошел в кабинете. А там кроме Вас из чужих больше никого не было.

Мужчина прочистил горло. Он вздохнул, скрещивая руки на груди. При этом выпрямил свою спину, слегка выпячивая вперед мужественную грудь. Его заинтересованный взгляд никуда не исчез. Наоборот, искр в них прибавилось больше.

– Неплохая версия, юная леди, – облизнулся он и я почему-то сглотнула. Его уверенность выводит меня из моей уверенности. – Но у меня другая. Возможно потому, что информации имею больше. – Уголки его губ дрогнули, и я увидела наподобие улыбки, но такой мимолетной. Мне захотелось вернуть ее и увидеть вновь. Она такая приятная.

Я мысленно ударила себе по щеке за такие глупые мысли. Очевидно же, что рядом с этим мужчиной я не должна терять бдительности.

– Вы точно уверены в том, что никого в вашем доме больше не было помимо меня?

Я задумалась, слегка нахмурившись.

– Абсолютно, – с уверенностью ответила я, но его решительность все еще давила на меня.

– Учитывая Ваше состояние, – он бросил на мою голову мимолетный взгляд, и я инстинктивно коснулась бинтов, – я не стану давить на Вас. Хотя потребовал бы задуматься. Я бывал в вашем доме на протяжении года часто, Элла. И признаю, Ваше появление удивило меня, ведь дочь Винсента считается мертвой.

Я сглотнула и поджала губы. Злобу как рукой снесло одной фразой. На смену ей пришли разочарование и грусть.

– Видимо, Вы сами об этом недавно узнали. Вы не удивлены.

– А Вам так хотелось посмотреть на мое удивление? – процедила я.

– У меня фотографичная память, – продолжил он как в ни в чем не бывало, игнорируя мой вопрос. Хотя я сама понимаю, что он был риторическим. – Я знаю каждый уголок вашего дома. На этот раз заметил кое-что иное, отсутствующее явление на протяжении долгого времени. Открытый кабинет Винсента. Мы приехали вместе и на тот момент в доме была лишь горничная. А как я знаю, она не заходит туда в его отсутствие, а сама дверь по себе всегда заперта.

Я нахмурилась, обдумывая его слова. Информация до меня пока действительно доходит медленно и закрепляется туго.

– И правда. Отец всегда закрывает кабинет, – задумчиво заметила я.

– Поэтому, судя по всем фактам, в ваш дом навевались до меня.

– Но почему папа не обратил на это внимания?

– Обратил, – ответил Дэвис. – Но не стал заострять внимание. Размышлял, думал, что сам забыл закрыть. Обвинения с меня сняты? – внезапно спросил мужчина, сцепляя руки за своей спиной.

На груди стало легко и тоскливо одновременно.

– Почему я должна быть такой уверенной? Может Вы мне лжете? – не унималась я, хотя в глубине души уже верила ему и это придавало мне облегчение.

– У меня нет причин убивать Винсента. А если бы и хотел, то не таким жалким способом.

– Да неужели? – вскинула я одну бровь и скрестила руки на груди.

Мужчина приблизился ко мне еще ближе, и я тут же растерялась. Между нами оставались какие-то жалкие сантиметры. И от такого маленького расстояния я могла ощущать исходящий жар от его крупного тела. Этот жар сбивает мое дыхание. Его глаза в опасном прищуре, что пугает мое сердце.

– Я встаю напротив. Смотрю в глаза своему врагу и приставляю пистолет в его голову. Наслаждаюсь его страхом, безысходностью и поражением. Жму на курок и довольствуюсь последними ударами его сердца, слышу, как выходят последние капли воздуха и смотрю, как враг падает к моим ногам.

Я в ужасе и этого не скрываю. Смотрю на него со всем осуждением, что есть в моем арсенале. Этот человек опасный, прозорливый, коварный и совершенно беспощадный. Даже его глаз и голос не дрогнули, когда Дэвис говорил мне о своей структуре по очищению населения.

– Простите, – он поднял руки перед собой и отошел от меня на один шаг. Воздуха стало больше, и я чаще задышала, наслаждаясь чистым кислородом. – Вы сами вынуждаете меня на откровения. И к тому же, зачем мне убивать человека, который должен мне крупную сумму денег.

Я вскинула брови. Но не в удивлении, а в раскрытии своей догадки. Я была права. Папа должен этому человеку.

– Почему он Вам должен?

– Вы забыли о моих словах на вашем крыльце? Не влезайте, юная леди. – В его голосе проснулись злобные нотки. Мужчина развернулся и зашагал к выходу из смотрового помещения.

– Нет. Пойдите же, – я нагнала его и встала перед ним, преграждая дорогу. Мужчина раздраженно выдохнул и облизал свои губы. – Вы сами сказали, что папа должен Вам. Сколько? Я покую его долг.

Мужчина усмехнулся. Да, мои слова смешные, но я не могу оставить папу в беде. Мне плевать, что этот человек подумал.

– Юная леди, Ваш отец не мог покрыть этот долг в течении трех лет. Вы хотите закрыть его за считанные минуты?

Во мне снова вскипала злоба. Этот человек считает меня никчемной, но я обязана доказать ему обратное.

– Мой отец сейчас в коме! Как он будет выплачивать этот долг!? Как бы горько для меня это не звучало, но...но, а если он умрет? – выпалила я невзирая на свое хрупкое равномерное состояние.

– Если так случится, то долг перейдет родственникам. Как наследство, – спокойно ответил он своим низким голосом.

– Тогда почему я не могу начать выплачивать долг сейчас?

Мужчина повернул голову и указал рукой на отца.

– Винсент еще жив, – ответил он, снова направив на меня свой взор. – Встанет на ноги и снова начнет выплачивать.

– А если это будет через полгода? – не отставала я. Во мне уже разбушевалось это ярое желание помочь собственному родному отцу, который делает все для меня. Моя очередь. Но этот человек активно препятствует мне, отчего я злюсь больше.

– Тогда через полгода, – и снова его спокойствие.

– Неужели у Вас такое стальное терпение!? – воскликнула я.

Мужчина ничего не ответил и снова решил уйти, но я снова не позволила, вставая прямо рядом с дверью. Дэвис снова раздраженно выдохнул и уже сжал челюсть. Видимо, не такое оно уж и стальное это его «сказочное» терпение.

– Откуда ты такая настырная? – Он уже стал говорить со мной без всяких прелюдий.

– Я – дочь Винсента Тейлора, а мой брат Деймон Тейлор, – гордо произнесла я.

– Это конечно все меняет, – ни без сарказма произнес он.

– Дайте мне оплатить долг отца. Вам же в радость только будет.

– Элла, – уже сквозь зубы говорил он и наклонялся на меня. – Не в радость. Ты станешь мне обузой. Что ты можешь сделать?

– Работать на Вас! – воскликнула я и Эдвард вскинул свои густые брови.

Он выпрямился и тяжело вздохнул.

– И кем же?

Я замялась. Действительно, кем? Я понятия не имею, чем они там занимаются и как вообще все действует. Убивать я точно не смогу. Перевозить оружие? Бред. Куда загоняет меня желание помочь отцу? В тупик.

– Я не знаю, – пожала я плечами не в силах смотреть в его глаза, которые пристально рассматривают меня. Так и ощущаю телом этот горящий в ярости взгляд.

Тело...

– Могу отплатить телом, – выпалила я, пока не передумала.

Я сразу же услышала хрипый смех Дэвиса и не могла не посмотреть на него. Он уже стал серьезным и надавил пальцами на свою переносицу, жмурясь.

– Элла, черт возьми. – Он посмотрел на меня и от этого серьезного взгляда по моему телу прошелся холодок.

Он смотрит на меня не как на женщину, ни как на какое-то лакомство. И как я могла только подумать, что он согласится. Да и как я вообще могла такое предложить.

– Думала, что попала в дешевый роман? Я не беру долг телом, глупое ты создание, – он злился. – Тем более твоим телом. – Он снова осмотрел меня с ног до головы. – Маленькая, девственная и неумелая. Женщин в моей жизни хватает.

Я почему-то почувствовала себя задетой и униженной. О чем я только думала, предлагая такому взрослому мужчине такую кандидатуру, как свою. Я не сумела сдержать слез и тихо заплакала.

– Я просто хочу помочь отцу, – дрожащим голосом произнесла я и обняла себя за плечи. Мне не стыдно было показывать себя беззащитной перед ним. Но и злость из меня не вышла.

Я посмотрела на него заплаканными глазами. Дэвис смотрел в сторону, сжимая челюсть. Желваки ходили ходуном на его скулах. Его будто раздражали мои слезы.

– Я подслушала разговор папы с братом тем вечером перед взрывом. Он сказал, что в Вас есть человеческие инстинкты.

Мужчина хрипло усмехнулся, но я не обратила на это внимание и продолжила:

– И мне тоже так кажется, – призналась я.

Мужчина резко повернул ко мне свою голову и впился в меня своими удивленными глазами. Нахмурившись, на его высоком лбу появилось несколько складок. Их слегка прикрывают опадающие темные пряди волос. Он изучал меня, сверля своими внимательными глазами мои, ища доказательства моим словам. Так продолжалось несколько секунд и мне уже стало не по себе от такого пристального внимания, но глаз я опустить не могла. Будто Эдвард мне этого не позволял.

Не найдя этих доказательств, он рывком приблизился ко мне. Не ожидая его резких действий, мое дыхание прервалось. Он надавил на мой живот своей тяжелой рукой и прижал к двери, продолжая надавливать, чтобы я не смогла выбраться. Всего одна рука на моем животе, а я уже не могу пошевелиться.

Я ощущала исходящий жар от его руки и в животе прошла судорога от такого ощущения. Мои ладони и спина впечатались в холодную дверь, но я не ощутила никакой прохлады, поскольку ее отгонял жар этого мужчины, расстояние с которым у нас очень интимное.

Мое сердце будто остановилось. Я не слышала ничего, кроме дыхания Эдварда. Он смотрел на меня с высоты своего роста и от этого я ощущала себя беспомощной. Ощущала исходящую власть от этого мужчины.

– Почему? Почему и тебе так кажется? – шепотом спросил он.

Я с усилием сглатываю и осмеливаюсь поднять на него глаза. В янтарных безднах купались недопонимание и жажда правдивой информации.

– Ну, – судорожно начала я, – говорить о том, что я чувствую Вашу душу не стоит, верно? Дэвис закатил глаза.

– Верно.

– Тогда, судя по всем внешним факторам, которые я наблюдаю в Вас. Вы не поставили счетчик. А хотя могли бы вечность зарабатывать на нашей семье. Вы оставили одну сумму, которая не растет, как на процентах.

Я внимательно смотрела за его реакцией. Черты лица мужчины стали мягче, а само лицо спокойнее. В глазах больше не бушует море непонимания, а напряженное тело значительно расслабилось.

Эдвард отступил назад. Я расслабилась и тихо выдохнула. Только сейчас поняла, что я стояла на носочках.

– Ты смысленная, но иногда говоришь глупости. Есть в тебе что-то. Какой-то потенциал. – Эдвард задумался, не отводя от меня своих сосредоточенных глаз. – Оружием умеешь владеть?

Я робко кивнула.

Мужчина снова осмотрел меня с ног до головы. На секунду в его глазах я увидела что-то такое, что походило бы на согласие. Будто он увидел во мне удачную покупку. Его глаза засияли всего на мгновение, будто до него дошло какое-то осознание. Мне стало не по себе от увиденного. Я почувствовала себя товаром на продажу. Но я молчала, переводя взгляд на отца, проглатывая это унижение и обиду. За десять минут я уже изрядно хорошо искупалась в этих негативных эмоциях.

– Я приеду за тобой, когда тебя выпишут, – только и сказал он и шагнул ко мне навстречу.

Я стояла как вкопанная, не веря своим ушам. Даже не заметила, что он выжидает, чтобы я освободила ему дорогу. Тогда Эдвард сам проявил инициативу. Ощувив его крепкие руки на своей талии, я вздрогнула и только сейчас вышла из внезапного оцепенения, в которое ввели меня его неожиданные слова. Неужели я удачная покупка и мне повезло? Да, теперь придется только так себя расценивать, Элла.

Мужчина приподнял меня без каких-либо усилий, даже не напрягаясь, словно пушинку, и поставил рядом со стеной, освобождая себе дорогу.

Намереваясь выйти, Дэвис снова посмотрел на меня, открывая дверь. Задумчиво изучал, будто все еще сомневался в своей затее.

Я услышала его тяжелый вздох и увидела, как совершенное лицо снова становится суровее. Это последнее что я увидела, когда гость отца исчез за дверью, оставляя за собой лишь шлейф своего приятного аромата. Запах шоколада. Я ощутила запах шоколада вместо тяжелого терпкого аромата.

Глава 7

Прошло три дня. Семьдесят два часа. Четыре тысячи триста двадцать минут. Двести пятьдесят девять тысяч двести секунд.

Со дня встречи с Эдвардом Дэвисом прошло не так много времени, но почему-то мой мозг считает по-другому. Если обычно одна минута для меня – это как одна секунда, то дни, проведенные в этой клинике для меня тянутся невероятно протяжно.

Занять я себя пыталась всем. Рисование на досуге, чтение книги, иногда прогулка, иногда процедуры, иногда посещала родных. Личность не деградировала, я часто общалась с Брук. Моя подруга настолько сильно меня любит, что в клинике рядом со мной засиживается практически с самого обеда до вечера, отказываясь от других развлечений. Может задержаться до ночи, пока не закончится смена миссис Эванс и они не уедут вместе домой.

Брук мне каждый день рассказывала о том, в каком сейчас предвкушении находится от того, что я буду жить вместе с ней и ее мамой в их доме. Я слушала ее с болью в сердце и старалась не смотреть на ее счастливое лицо, чтобы не получить еще больше пыток для своей души. А потом, впоследствии, забуюсь посмотреть на ее опечаленное лицо с потускневшими искрами счастья в глазах, когда скажу ей, что не смогу переехать к ним. Ее радость, ее терпеливые ожидания этого дня развалятся как карточный домик и всему виной я и мое решение.

Все эти три дня я еще думала, как преподать им эту информацию. Вполне естественно, что не смогу сказать прямо: «Я иду к мафиози, чтобы работать на него». Вот представление. Я уже не хотела так быстро выписываться, чтобы оттянуть как можно дольше этот момент. Как только Эдвард согласился дать мне шанс, на моем сердце образовался камень. Он приносит такой груз, что тяжело дышать.

Поэтому, чаще всего, пока проводила время в клинике, я засиживалась на подоконнике, погруженная в свои мысли. Могла сидеть ночами напролет, если не могла уснуть.

Миссис Эванс ругала меня за то, что я не сплю и не позволяю своему организму восстанавливаться в полной мере. Она стала приносить мне снотворные таблетки и только они могли спасти меня от бессонницы. Стоило раньше их попросить у Маргарет, тогда бы у меня не было проблем с синяками и черными кругами под глазами. И тогда я бы точно меньше думала о своем будущем. Точнее, как. Я пыталась что-то разглядеть в этом туманном пространстве передо мной. Впечатление такое, что чем больше я стараюсь что-то рассмотреть, тем гуще непроглядная пелена. Она становится невесомой, вязкой жижей и пытается задушить меня.

Мне становится страшно иногда. По истине страшно. Иногда страха вселяется в меня так много, что начинаю задыхаться. Он выталкивает все другие эмоции и полностью овладевает мною.

Я стараюсь меньше думать о своей участи. Ведь сама выбрала ее и просто должна плыть по течению.

Глупое сознание, пытающееся распределить все детально.

Иногда, смотря в окно, по которому барабанил дождь, я плакала вместе с небом. Разглядывала прозрачные капельки, стекающие по стеклу, которые освещал фонарь, стоящий прямо над моим окном. Я оплакивала свое распланированное недалекое будущее. Когда поняла, что свернула со своей дороги вновь, и вступила не на ту, которую так желала, я впала в депрессию. Ее я скрывала днем ото всех, и она подчинялась, а ночью она сама по себе выбиралась из глубин страдающей души и овладевала мною полностью. Душила, выбиралась слезами и терроризировала мой разум навязчивыми мыслями о сокрушительной судьбе.

Мой мир рушился на моих же глазах. Ссыпался как песок сквозь пальцы, а я даже не предпринимала никаких мер для того, чтобы остановить это чудовищное недоразумение. Сто-

яла в стороне и смотрела, как безжалостный огонь сжигает мое счастливое и беззаботное будущее, о котором я так мечтала и которое сама по крупицам строила в своем подсознании.

Да, я плыла по течению, но хотела иметь хоть небольшое представление о своей жизни. Окончить университет и работать на любом месте по специальности. Это все, о чем я думала и что строила. И все это взорвалось вместе с кабинетом отца.

Жестокий мир заменил мои невинные желания и мечты, грубо вторгаясь в мою жизнь, ломая все принципы и стереотипы. Этот мир напомнил мне, что нет ничего идеального и прочного. Всему свойственно ломаться и заканчиваться порой даже не начавшись.

Я увлекаюсь чтением различной истории. Но люблю чаще затрагивать темы эпохи Возрождения. Брук любезно мне принесла пару книг, и я наткнулась в одной из них на притчу Мирандолы, итальянского мыслителя эпохи Возрождения, в которой говорится, что Бог дал всем вещам и живым существам свое место. Камень будет здесь, тигр – здесь, дерево – здесь, река – там, скала – тут. Но, когда дошла очередь до человека, сказал: «А ты будешь вечно искать свое место».

Нет такого места, в котором человек сможет закрепиться навсегда. Мы же вечно скитаемся. Не только по миру, но и в своей душе. Люди даже не могут найти себя.

Читая что-то из психологии, которая успокаивает меня и направляет, я понимаю, что страшнее всего не разрушенное будущее, не изменения в жизни, не разрушенная рациональность мышления. Всему этому свойственно восстановиться. Страшнее всего – умереть в себе и не воскреснуть.

Стать бесчувственным.

Почувствовать лишь одно – как твоя душа медленно разлагается и гниет.

В таких случаях окружающие говорят, что человек просто пессимист, нытик или просто строит из себя жертву, для привлечения внимания. Нет. Просто у каждого есть свой предел. И он наступает тогда, когда уже не с чего находить спасение.

Во мне не будет предела, пока в моих желаниях сохранить своих родных и их жизни. Я буду твердо стоять на ногах, пока есть они.

Сейчас я брожу по тонкой грани раскаленной чувственности и обжигающего равнодушия, вытянув свои руки по сторонам. Я сохраняю равновесие, но словно маятник над двумя сторонами пропасти.

***

День выписки. Час дня. И я уже не плачу над своим несостоявшимся будущим.

Погружая в чемодан книги о психологии, я мысленно благодарю их. Серьезно, человек с ума сойдет, если не будет читать что-то из этой сферы. Поэтому так много психически закомплексованных странников в этом мире, боящихся обратиться к психологу или заняться самовосстановлением с книгами. Будто это что-то постыдное.

Застегнув молнию чемодана, я с тяжестью выдохнула и посмотрела в окно. Сквозь стекло почувствовала прохладу от дождливого дня и интуитивно обняла себя за плечи, поправляя вязанный кардиган цвета теплого чая на шее.

Непогода заселяла в моей душе маленькое количество тоски и печали. Я ухожу из клиники, где рядом со мной были Деймон и папа, и я могла навещать их каждый день. Ухожу без них в пустоту, непроглядную темень. Ухожу в другой мир, одновременно пугающий и вдохновляющий на действия. Такое чувство, будто исчезаю в другой Вселенной без шансов на возвращение. В один конец.

Моя жизнь изменилась в корень. Насколько же она неудержима и непостоянна. Это главное осознать, чтобы с каменным лицом принять этот факт.

Бинты сняли, но перевязали голову вокруг, чтобы не занести инфекцию на рану. Настояли так ходить еще сутки-две, заменяя повязку два раза в день. Голову я мыла четыре раза подряд, настолько ужасными были мои волосы.

Я села на свою заправленную белой накидкой постель и погладила себя по бедрам, обтянутые узкими темными джинсами. Закрыв глаза, я сконцентрировалась на себе. Размеренное сердцебиение, пустая и ясная голова, но одинокий, холодный и свистящий ветер, поселившийся в душе. Мне не понравился его тоскливый вой, пронизывающий все мое естество и распахнула глаза, чтобы спастись от этого в реальности, которая тоже превратилась в серость и пугала.

Передо мной возникла черная фигура, будто из ниоткуда. Она уже не пугает меня, и я не вздрагиваю при виде нее. Я приняла не только окружающий меня новый мир, но и все его внешние факторы.

– Вы входите без звука, – подметила я.

– Годы тренировок. – Я уловила нотки сарказма в его низком голосе.

– Чтобы стать волком? – решила поддержать его тонкий сарказм.

Он нахмурился, демонстрируя свое недовольство от моего сравнения.

– Ягуаром.

Я промычала, вскинув брови.

– Как Вы обо всем знаете?

Эдвард сделал два шага вперед, спрятав свои руки со вздувшимися венами в передние карманы брюк, смерив взглядом мою скромную палату.

– У меня везде есть свои люди. Их я считаю своими глазами.

– И поскольку Вы знаете, что моя выписка сегодня, то глаза у Вас есть и здесь, – догадалась я.

– Именно.

Дэвис поднял мой чемодан.

– Надеюсь, мне за тебя не придется решать вопросы о твоём переезде? – холодно спросил он.

– Не придется, – низким и уверенным голосом ответила я, смотря на него исподлобья.

Эдвард усмехнулся.

Как быстро наша непринужденная беседа может превратиться в скрытый гнев и демонстрацию отрицательных чувств, которые мы испытываем к друг другу.

В эту минуту в палату ворвалась Брук со счастливой улыбкой и мое сердце сжалось. Эдвард посмотрел на нее слегка нахмурив брови, а моя подруга с негодованием. Она недоуменно посмотрела на меня, затем на мой чемодан в его руке.

– Элла? Что происходит? – не понимала подруга окружающей обстановки вокруг нее.

Я поднялась с постели, с сожалением смотря на Брук. Настал час, когда я сильно расстрою и, возможно, разочарую свою подругу. Тяжело разрушать свои мечты, а еще невыносимее разрушать их у близких и дорогих людей собственноручно. Всего несколькими фразами и человек на коленях, перебирающий осколки своих надежд.

– Брук, – выдохнула я, сцепляя руки в замок перед собой. – Я улетаю в Испанию. В Валенсию. К бабушке.

Я старалась не смотреть на Эдварда прямым взглядом. Но краем глаза вижу его хмурое лицо и чувствую его неверие в меня. Он считает, что я не справлюсь такими объяснениями. Его недовольство давит на меня и даже раздражает.

– В Валенсию? – Она снова покосилась на Эдварда.

– Этот человек от бабушки, – придумала я, чтобы у нее не возникало вопросов о нем.

– Симпатичный, – она снова окинула его своим заинтересованным взглядом.

Я выдохнула и закатила глаза. Нет, он ужасный во всех смыслах. Посмотрев на молчаливого Дэвиса, я увидела его каменное выражение лица. До тошноты серьезный.

– Элла! – воскликнула Брук. – С чего такое решение? Нам скоро в университет. Здесь твоя семья. Что ты будешь там делать?

Я снова выдохнула, намереваясь так избавиться от груза в душе и посмотрела на Эдварда.
– Оставьте нас, пожалуйста, – попросила я почти с мольбой, смотря в его глаза.

Он сжал челюсть и без слов покинул мою палату, прихватывая мой чемодан с собой, будто знает, что я скоро пойду за ним. Могу ли я это расценивать, как вера в меня? А то, что он взбесился причина одна: Дэвис привык всех контролировать. И это бесит меня. Неужели я уже могу анализировать такого закрытого в себе человека с кучей отобранных жизней за его спиной? Думала, что мне понадобится больше времени.

Я решила оставить рассуждения об этом мужчине позади и поставить в приоритет разговор с Брук. Стоит подчеркнуть – убедительный разговор.

Я подошла к своей подруге и взяла ее руки в свои, не сильно сжав их.

– Брук, мне тяжело здесь находиться. Я подумала, что с бабушкой мне будет легче.

– А со мной? – нахмурилась она и я ее обняла, не в силах смотреть в ее глаза с бездонной грустью, которая смешалась у нее с явной обидой.

– Я понимаю странность моего решения. Но, пожалуйста, не обижайся на меня. У нашей семьи появилась череда проблем, которые не заканчиваются, и мы не должны разбиться по одиночке. Папа и Деймон под вашим присмотром, а мне пока стоит быть с бабушкой. Прошу тебя только об одном, – я посмотрела на Брук, которая уже пустила слезы, придерживая ее за плечи. – Будь нашей связующей нитью.

– Связующей нитью Испании и Америки? Да без проблем, – плачевным голосом пробубнила Брук, вытирая свои слезы.

– Я люблю тебя, – улыбнулась я.

– И я тебя, – выдохнула она. – Обещай, что не долго.

Не могу, Брук.

– Ты не избавишься от меня, – шире улыбнулась я, стараясь быть искренней.

– Да ну тебя, Тейлор. Бесишь меня порой, – ныла она, шмыгая носом.

– Прости, иногда я бываю ужасной подругой.

– Парня ты у меня еще не уводила, так что не надо возлагать на себя такой статус.

Я рассмеялась и снова обняла свою подругу, крепко сжимая ее в своих объятиях. Мне будет ее жутко не хватать в новом мире. Я бы хотела забрать ее с собой, засунуть в свой чемодан, но тогда намеренно сделаю все, чтобы Брук находилась за опасной чертой. Я не имею права тянуть ее за собой во мрак.

Брук сказала, что ее мама сейчас на операции, поэтому все скажет ей за меня.

Мы еще крепко обнимались с ней в холле клиники, пытаюсь оттянуть момент прощания.

– Пиши и звони чаще. Не пропадай, – взмолилась она.

– Это я тебе обещаю. – Я поцеловала ее в щеку и больше не задерживаясь, покинула клинику.

Развернувшись, я ушла не оборачиваясь. С каждым шагом мне казалось, что я оставляю свою привычную жизнь навсегда позади, превращая ее в воспоминания. Страхусь одного, что эти воспоминания смогут превратиться в пепел и стать совсем незначительными в моей новой жизни.

Я не зря так думаю. Конечно, перед уходом я навестила папу и Деймона, состояние которых стабильно и неизменно. Поговорила с лечащим врачом и прогнозы не утешительны. Кома может продлиться на месяц или больше. Их организм сильно ослаблен и не намеревается просыпаться.

Их подключили к аппарату искусственного жизнеобеспечения, который требует ежемесячной платы. Поскольку я совершеннолетняя и у меня есть доступ к нашим счетам, я способна оплачивать их нахождение в клинике под аппаратами.

Могла ли я думать неделю назад, что моя жизнь способна принять такой исход? Уверенное нет. И сейчас, став совершенно самостоятельной, я не могу полностью свыкнуться с этой мыслью, привыкнув к гиперопеке и слежке своей семьи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.